

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИТМО

Мальцева Н.К.

ЭВАКУАЦИЯ

Серия «История и современность ИТМО»

Часть IV

Учебное пособие

Под общей редакцией

члена-корреспондента Российской академии наук В.Н. Васильева

Санкт-Петербург

2021

УДК 383.095(09)

Мальцева Н.К. Эвакуация. / Под общей редакцией члена-корреспондента РАН В.Н. Васильева. - СПб.: ИТМО, 2021. - 106 с. – Серия «История и современность ИТМО». Часть IV.

Настоящее издание посвящено историческим событиям в жизни ИТМО в период Великой Отечественной войны, а именно тем годам, что связаны с процессом эвакуации Института точной механики и оптики в 1942 году из блокадного Ленинграда сначала на Кавказ, потом – в Сибирь, где в городе Черепаново и был организован учебный процесс.

Включает в себя воспоминания очевидцев о том времени, в совокупности достаточно полно отражающих, как жизнь студентов, так работу и быт преподавателей.

Пособие предназначено для преподавателей и студентов, материал может быть использован, наряду с ресурсами Виртуального музея университета (<http://museum.ifmo.ru>), при подготовке и проведении занятий по курсам «Введение в специальность», «История науки и современное естествознание».

Рекомендовано УМО по образованию в области приборостроения и оптотехники в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлениям подготовки Оптотехника и Приборостроение.

Рецензент: кандидат технических наук, доцент А. В. Бахолдин Университета ИТМО.

© Национальный исследовательский ИТМО, 20201
© Авторы, 2021

Стремительно меняется жизнь в наши дни, достижения науки очень быстро становятся достоянием повседневного быта человека, поэтому и жизнь Университета ИТМО в XXI веке можно охарактеризовать радикальными изменениями, как в научной, так и в образовательной деятельности при постоянном совершенствовании в зависимости от потребностей современного человека.

Как бы не преобразался вуз, мы всегда помним имена тех, кто стоял у наших истоков, развивал и, конечно, тех, кто сохранил ИТМО во время Великой Отечественной войны, своим трудом создавая возможность нам приумножить успехи и традиции учебного заведения.

Публикуя эту книгу в год 75-летия Великой победы, мы постарались восстановить события через воспоминания очевидцев - студентов и преподавателей той поры.

В марте 1942 года ЛИТМО был эвакуирован по знаменитой Ладожской «Дороге жизни» на Большую Землю - сначала на Кавказ, в район Минеральных вод, а затем - в Сибирь. В городе Черепаново под Новосибирском, несмотря на суровые условия, под руководством директора института С.А. Шиканова очень быстро был налажен учебный процесс, продолжились научные исследования и работы в интересах обороны страны. Какой была дорога до Большой земли, скольким литмовцам она стоила жизни: на пути из города до Ладоги, при переправе через нее, потом – в эшелонах? Как было организовано возвращение в Ленинград? На эти вопросы и отвечает эта книга.

Надеемся, что истории о военном ИТМО дают возможность современным студентам и преподавателям, нашим выпускникам гордиться своей ALMA MATER.

*Ректор Университета ИТМО
член-корреспондент РАН В.Н. Васильев*

ОСНОВНЫЕ ВЕХИ В РАЗВИТИИ УНИВЕРСИТЕТА ИТМО

За годы своей 120-летней деятельности ИТМО несколько раз менял свой статус и название, но неизменно осуществлял профессиональную подготовку востребованных специалистов в области самых передовых направлений науки и техники, обеспечивая потребности промышленности и обороноспособности нашей страны:

1900 - 1917 – Механико-оптическое и часовое отделение Ремесленного училища цесаревича Николая,

1917 - 1920 – Петроградское ремесленное училище по механико-оптическому и часовому делу,

1920 - 1930 – Техникум точной механики и оптики,

1930 - 1991 – Ленинградский институт точной механики и оптики (ЛИТМО),

1991 - 1994 – Санкт-Петербургский институт точной механики и оптики,

1994 - 2003 – Санкт-Петербургский государственный институт точной механики и оптики (Технический университет),

2003 - 2011 – Санкт-Петербургский государственный университет информационных технологий, механики и оптики (СПб ГУ ИТМО),

2011 - 2019 – Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики (НИУ ИТМО)

с 2019 - Национальный исследовательский университет ИТМО (Университет ИТМО).

День рождения вуза - 26 марта

Ректором Университета ИТМО является Президент региональной общественной организации «Совет ректоров вузов Санкт-Петербурга», Почетный гражданин Санкт-Петербурга, доктор технических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук **Владимир Николаевич Васильев**.

1941 год - Ленинградский институт точной механики и оптики

21 июня 1941 года в ЛИТМО прошел День открытых дверей, о чем свидетельствует информация в пригласительном билете института. Выпускники Ленинградских школ, мечтавшие поступить в ЛИТМО, смогли познакомиться с оборудованием учебных и научных лабораторий кафедр института. Уже через пару месяцев они должны были стать студентами ...

Но этим планам не суждено было сбыться...

22 июня 1941 года началась война...

С первого дня Великой Отечественной войны добровольцами в армию и народное ополчение ушли 189 студентов и 85 преподавателей, рабочих и служащих.

25 июня 1941 года 31 студент факультета точной механики защитили дипломные проекты. Студенты-«дипломанты» (т.е. те, кто перешел на VI курс) приступили к выполнению дипломных проектов немедленно, без каникул. 7 июля 1941 года приступили к занятиям студенты IV и V курсов, студенты II и III курса приступили к занятиям с 1 августа 1941 года.

В августе 1941 года 89 студентов, окончивших теоретический курс из числа «дипломников», были направлены для работы на заводы Наркомата вооружения.

С 8 сентября Ленинград оказался в кольце блокады.

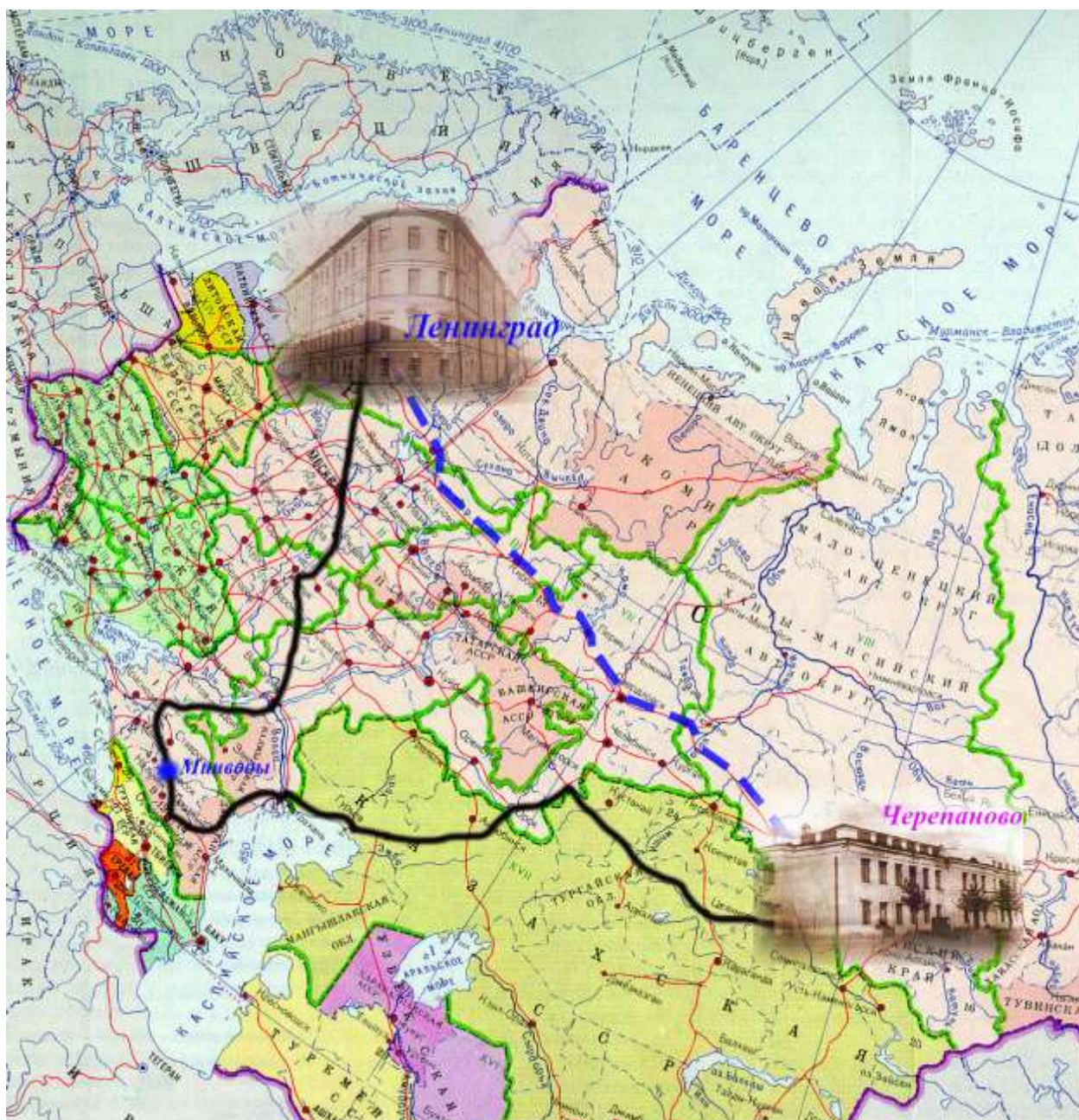
Эвакуация из Ленинграда стала беспрецедентным явлением в истории Второй мировой войны. Более полутора миллионов человек, сотни важных промышленных объектов, учебных заведений, учреждений культуры было переправлено в восточные районы страны. Среди них оказался и ЛИТМО.

К тому времени ушли добровольцами на фронт 394 студента и сотрудника института. Из них порядка 500 бойцов служили в дивизиях народного ополчения.

Состоялся этот долгий и мучительный процесс лишь в самом начале весны 1942 года и затянулся до конца этого года. Вместе с другими вузами ЛИТМО **был эвакуирован** из Ленинграда по знаменитой Ладожской «Дороге жизни» на Большую Землю - на Кавказ. План эвакуации предусматривал временное размещение института в районе Минеральных Вод, но немецкое наступление продвигалось по стране слишком быстро. Уже в августе институт получил приказ о срочной эвакуации в Сибирь. Студенты, преподаватели и сотрудники уходили от наступающих гитлеровских подразделений. Некоторые по состоянию здоровья не смогли уйти и оказались в оккупированной зоне.

Только к концу 1942 года институт смог добраться и обустроиться в том месте, где впоследствии был налажен учебный процесс, – в Сибири, в городе Черепаново. Там в укороченной форме прошел 1942-43 учебный год, там состоялся набор студентов на первый курс 1943-44 учебного года, там же был сформирован «отряд добровольцев» из студентов, отправившихся весной 1944 года (после полного снятия блокады) в Ленинград на восстановление здания ЛИТМО, разрушенного при обстрелах города.

О том, как пережили литмовцы те суровые времена, и повествует эта книга.

Маршрут эвакуации ЛИТМО с марта по декабрь 1942 года и реэвакуации 1944 года: Ленинград-Минводы-Черепаново- Ленинград

*Мемориальная доска
«Памяти преподавателей, сотрудникам и студентам ЛИТМО»,
погибшим в годы Великой Отечественной войны,
установлена в здании университета по Саблинской улице, дом 14*

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ: КАК «ДЕРЖАЛСЯ» ЛИТМО В ЭВАКУАЦИИ

Хронология 1942-1944 годов

Эвакуация ЛИТМО началась 14 марта 1942 года. В этот день 25 преподавателей, часть сотрудников и студентов старших курсов, имевших бронь (всего около 60 человек), выехали поездом с Финляндского вокзала. Обязанности директора института на время следования в пути были возложены на доцента Л.П. Рифтина.

Лев Павлович Рифтин. Фото из личного дела сотрудника ЛИТМО

На первом этапе эвакуация проходила в невероятно тяжелых условиях. На станции Борисова Грива необходимо было пересест в открытые грузовики, чтобы выбраться из кольца блокады через Ладожское озеро по «Дороге жизни».

Люди были настолько истощены, что без помощи военных не могли забраться в машины: не было сил поднять вещи, и большая их часть осталась на земле. Стоял сильный мороз. По многолетним данным март 1942 года был рекордно холодным (средняя температура — ниже нормальной, более чем на семь градусов).

Переправившись через Ладожское озеро, на станции Жихарево пересели в состав из товарных вагонов, следовавший в Кисловодск. Эшелон

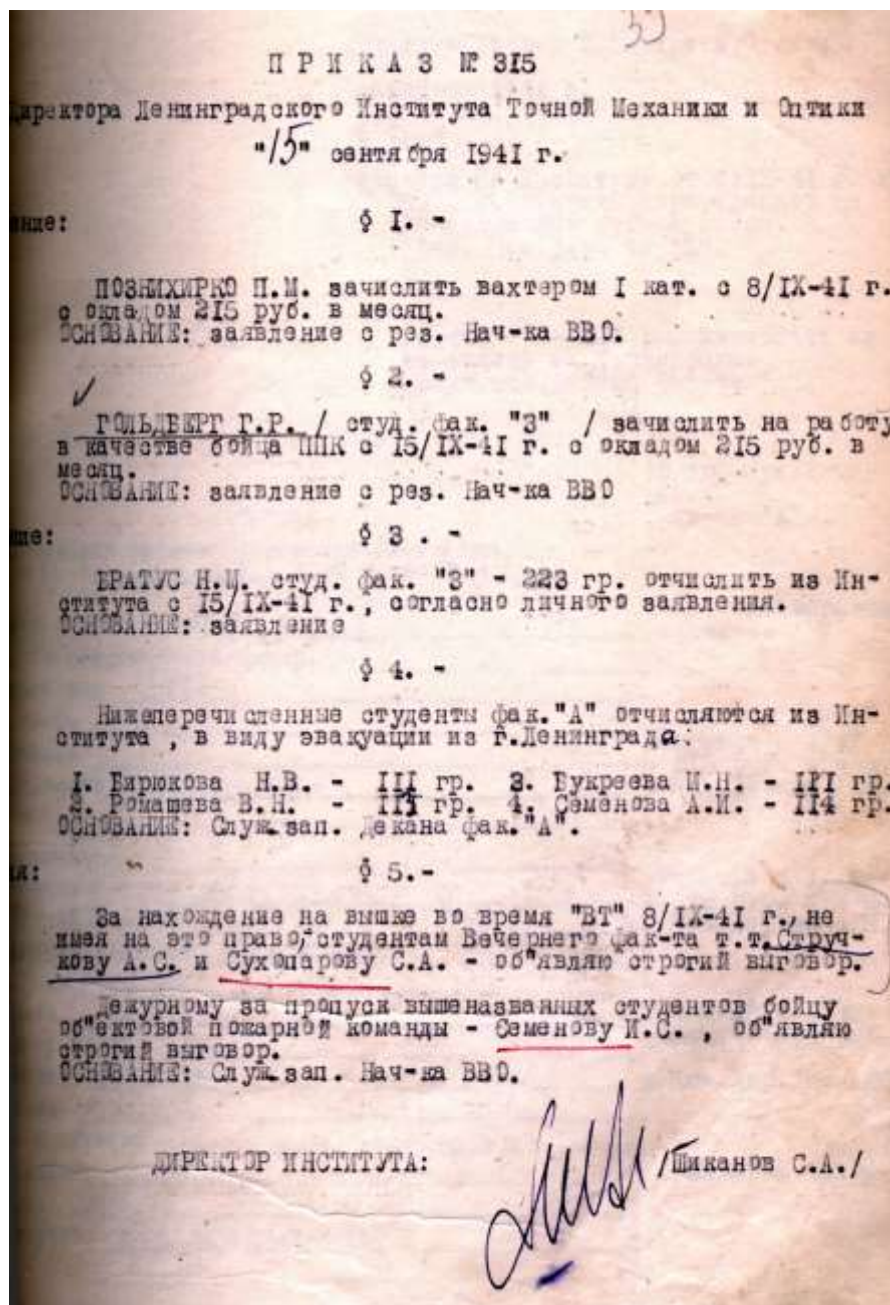
прибыл к месту назначения лишь 7 апреля. Там после восстановления сил часть студентов, окончивших полный теоретический курс обучения (т.е. студенты 6 курса), уже в мае без защиты дипломных проектов были направлены на заводы в Йошкар-Олу, Свердловск, Омск, Новосибирск и Казань. Остальных послали на временную работу в один из совхозов под Кисловодском.

Из воспоминаний студента тех лет Григория Гольдберга:

«До Кисловодска, состав шел более 20 дней. В дороге нас кормили довольно сытно, но многие, в том числе и я, страдали после перенесенного голода. Запомнился по-весеннему теплый день на станции Тихорецкая на Кубани. Был первый день Пасхи, и население станции вышло встречать наш эшелон с куличами и пасхальными яйцами, расспрашивали о блокаде, сочувствовали нам. После непродолжительного отдыха нас направили на работу в совхоз им. К. Маркса, расположенный километрах в пятнадцати от Ессентуков. Работали на полях подборщиками, заправщиками тракторов и комбайнов, стригли овец, пасли большие стада скота в горах. Девушки работали на молочной ферме.

В конце августа 1942 года началось активное продвижение немецкой армии на Кавказ, и мы вынуждены были бежать, бросив большую часть вещей. По дороге объединились с группой преподавателей, покинувших Кисловодск.

Пройдя около 200 км, мы оказались в Нальчике. Там провели день, а к вечеру нам удалось втиснуться в один из вагонов отходившего поезда. Однако через несколько часов на станции Котляревская наш вагон отцепили, и мы просидели там целый день. К вечеру небольшая группа (в том числе и я) залезла на крышу вагона эшелона с ранеными и доехала до Баку. Прождав товарищей безрезультатно пару дней, мы переправились на барже на другой берег Каспия в Красноводск. В тот же день втиснулись в тамбур вагона со студентами и преподавателями ЛПИ, эвакуированного в Тбилиси.

*Приказ директора ЛИТМО от 15 октября 1941 года:
в § 2 - студент Григорий Гольдберг зачисляется бойцом ППК*

Так мы доехали до Ташкента, где устроились на работу в пригородный совхоз и стали (через представителя нашего Наркомата по Средней Азии) наводить справки о месте дислокации ЛИТМО

Жили мы в комнатке размером не более 6 кв. метров, а было нас 10 человек. Со мной там были Л. Горелик и К. Медведев. Спали прямо на полу, причем по очереди, так как несколько человек работали по ночам (сторожами на бахче и винограднике), а другие — днем (на сборе и сортировке

фруктов и овощей). Я работал на сборе винограда. Давали нам в день 800 граммов хлеба и макаронный суп. Все остальное — «подножный корм»: помидоры, лук, виноград, арбузы, дыни. Масла и мяса мы не съели там ни грамма».

Георгий Рафаилович Гольдберг. Фото 1980 и 1990 годов

В конце июля - начале августа 1942 года началась вторая эвакуация института по маршруту: Кисловодск — Нальчик — Махачкала — Баку — Красноводск — Омск. В конце этого пути институт оказался в городе Черепаново Новосибирской области. Там после эвакуации из Ленинграда уже находился Техникум точной механики и оптики. На его базе планировалось развернуть и деятельность ЛИТМО. Так этот техникум второй раз стал опорной базой для института (в 1930 году на его основе был создан ЛИТМО).

*«В Черепаново, — вспоминает Г. Гольдберг, — приехала лишь небольшая часть студентов и преподавателей института. В это же время туда прибыл эшелон с оборудованием, эвакуированным из Ленинграда **еще до блокады**. В короткий срок, фактически за два месяца, в помещении бывшей школы надо было оборудовать лаборатории и аудитории для занятий. Пришлось поработать и грузчиками, и плотниками, и малярами, и монтажниками.*

Многие студенты были направлены в колхозы района заготавливать продукты питания, а некоторые - разъехались по городам Сибири и Урала набирать студентов в институт».

Не все из преподавателей не смогли выбраться из района Минвод. Среди них заведующий кафедрой иностранных языков:

- Карл Иосифович Фальк (расстрелян в Кисловодске),
- профессора Лаврентий Павлович Шишелов и Константин Евгеньевич Солодилов из-за преклонного возраста не могли продолжить эвакуацию (сначала пешком) из района Минеральных Вод и остались «под немцами».

Как сложились их судьбы, мы можем узнать из воспоминаний, приведенных в следующих повествованиях данной книги.

К началу декабря эвакуированные из Ленинграда литмовцы собрались в Черепаново. Техникум точной механики и оптики передал институту учебный и лабораторный корпуса, столовую, общежитие, жилой дом для профессорско-преподавательского состава. К тому времени из Ленинграда уже было доставлено лабораторное оборудование и учебные материалы для организации образовательного процесса.

Приказ №1

по Ленинградскому институту точной механики и оптики Наркомата Вооружения СССР

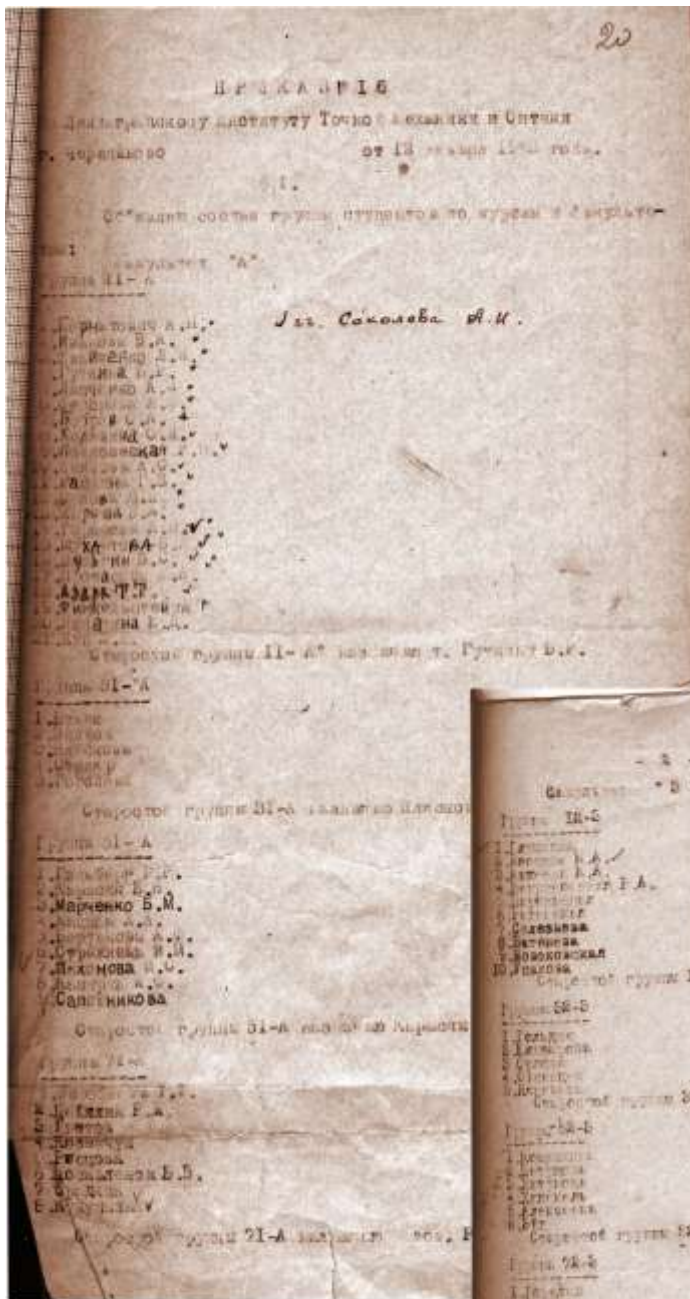
г. Черепаново

3 января 1943 г.

Одной из основных задач, стоящих перед институтом по обеспечению учебного процесса, является скорейшее развертывание учебных лабораторий и кабинетов.

И. о. директора института:

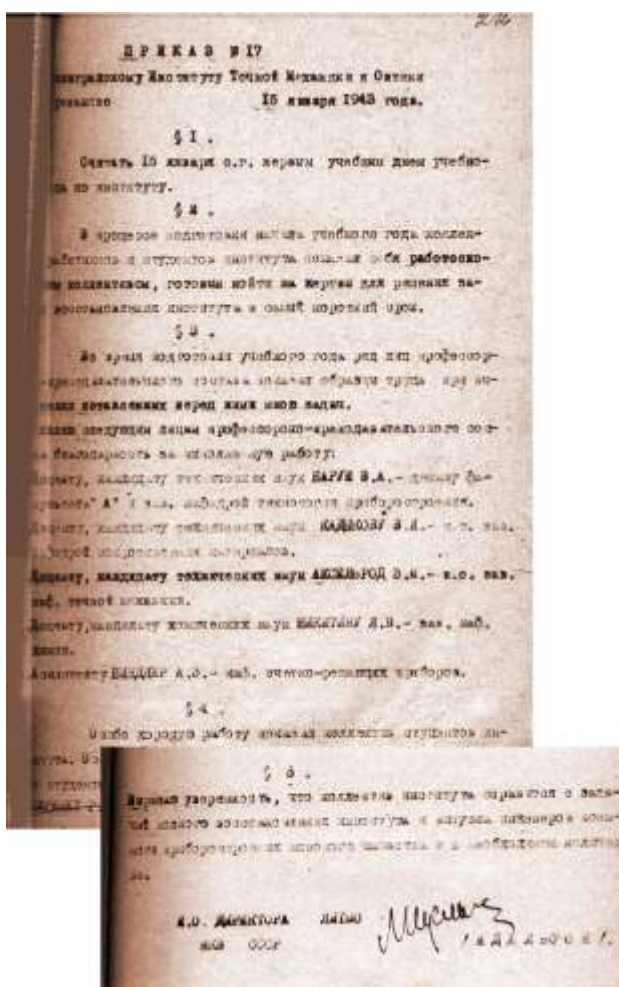
Идельсон М.И.

Приказ №16 от 12 января 1943 года исполняющего обязанности директора ЛИТМО Матвея Ильича Идельсона в Черепаново «О составе учебных групп студентов»

*Группа студентов и преподавателей Техникума точной механики и оптики.
На фото - второй слева в первом ряду – директор техникума
Матвей Ильич Идельсон, исполнявший обязанности директора ЛИТМО в
период: декабрь 1942 года – 25 января 1943 года.
Город Черепаново Новосибирской области. Март 1944 года*

*Приказ №17 от 15 января 1943 года по ЛИТМО
в Черепаново «О зачислении преподавателей в штат»*

25 января в Черепаново прибыл и приступил к исполнению своих обязанностей директор ЛИТМО С.А. Шиканов. Л.П. Рифтин был назначен проректором по учебной работе. Некоторые административные должности пришлось занять студентам: Георгий Шеремет был назначен сначала комендантом, а затем проректором по хозяйственной деятельности; Лев Горелик - директором столовой, Б. Карасик — начальником охраны, Э. Лившиц — начальником снабжения.

*Группа сотрудников ЛИТМО в эвакуации (слева направо):
первый ряд – профессора Г.М. Кондратьев и И.Н. Язев,
доцент В.И. Кадыков, профессор А.Н. Захарьевский,
директор ЛИТМО, доцент С.А. Шиканов; профессора Б.Ф. Лапшин,
Г.А. Смирнов-Аляев и В.Н. Чуриловский;
второй ряд: З.М. Аксельрод, П.Н. Гоберман, Закс София.
Город Черепаново Новосибирской области. 1943 год*

Бухгалтерами работали Мария Коваленок и Е. Карпова. Впоследствии они были главными бухгалтерами ЛИТМО.

Мария Коваленок. Фото военной поры

Среди студентов были Клара Гольдис (впоследствии — ассистент кафедры теории оптических приборов), Б. Марченко (впоследствии - доцент кафедры приборов точной механики), А. Зелетенкевич (впоследствии — доцент кафедры бортовых приборов управления).

Анатолий Зелетенкевич

Клара Гольдис

В числе преподавателей были профессора В.Н. Чуриловский, А.Н. Захарьевский, Г.М. Кондратьев, Б.Ф. Лапшин, Г.А. Смирнов-Аляев.

Надо отдать должное преподавателям института, не позволявшим падать духом ни студентам, ни сотрудникам - даже в столь тяжелой ситуации в эвакуации, когда приходилось и добывать хлеб насущный, и учиться, и учить в нелегких сибирских условиях.

Так, профессор Владимир Николаевич Чуриловский (известный в литмовских кругах поэт и автор лирических и сатирических стихов), написал в Черепаново целую «поэму», наблюдая за «романом» одного из преподавателей и студентки, отрывок из которой приведен ниже.

*Профессор Владимир
Николаевич Чуриловский.
Ленинград.*

*Фото довоенного времени
(30-ые годы)*

В.Н. ЧУРИЛОВСКИЙ

НЕ ПОЛАГАЕТСЯ!

(отрывок из поэмы)

*Я расскажу вам сказку, Панове,
Про институтские дела:
Жил-был профессор в Черепанове,
Студентка тоже там жила.
Традиционного обычая
Нельзя нарушить без следа
И надо соблюдать приличия
В такие зрелые года.
Его прельстили бантик, ленточка,
Случиться надо же греху,
Но виновата и студенточка,
И рыльце у нее в пуху.
Он новым чувством восторгается,
Он стал гулять по вечерам,
Забыл он, что не полагается
Любить девиц профессорам!
Нельзя всю жизнь построить заново
И избежать своей судьбы.
Весь институт, всё Черепаново
Поднять сразу на дыбы.
Мгновенно это происшествие
Всех взбудоражило умы.
Кричат: «Ведь это сумасшествие,
Ему за это год тюрьмы!
Не медля, должен он раскаяться,
Ведь это стыд, ведь это срам!»
А главное – не полагается
Любить девиц профессорам!*

*Приказ №19 по ЛИТМО – Черепаново
от 16 января 1943 года о зачислении в штат преподавателей*

На базе лабораторий техникума, части институтского оборудования и библиотечного фонда, доставленных из Ленинграда, начали функционировать кафедры:

- военно-оптических приборов,
- оптико-механических приборов (профессор А.Н. Захарьевский),

- теории оптических приборов (профессор В.Н. Чуриловский),
- теплосилового контроля (профессор Г.М. Кондратьев),
- счетно-решающих приборов,
- навигационных приборов,
- приборов точной механики,
- технологии приборостроения,
- метрологии,
- общетехнические и общеобразовательные.

Институт в условиях эвакуации осуществил набор студентов на первый курс двух факультетов: точной механики и оптико-механический факультеты.

Факультет точной механики готовил специалистов по механическим приборам и имел в своем составе следующие специальные кафедры: точной механики, теплосилового контроля, счетно-решающих приборов, специальной электротехники, метрологии, технологии приборостроения и навигационных приборов.

Профессор А.Н. Захарьевский

Оптико-механический факультет готовил специалистов по оптическим приборам. Специальную подготовку на факультете осуществляли следующие

кафедры: теории оптических приборов, технологии оптического стекла, военно-оптических приборов, оптико-механических лабораторных приборов.

*Заслуженный деятель науки и техники РСФСР
Вениамин Натанович Цвибель*

Среди сотрудников института - известные специалисты - профессора Б.Ф. Лапшин, К.К. Аглинцев, Н.Н. Замыцкий, Заслуженный деятель науки и техники РСФСР В.Н. Цвибель, доценты Л.П. Рифтин, В.А. Барун, В.М. Кадыков, З.М. Аксельрод, П.Н. Гоберман и др.

*Профессор кафедры взаимозаменяемости Пантелей Нович Гоберман.
Фото 1955 года*

Курс геодезических и астрономических приборов читал известный астроном профессор И.Н. Язев, научно-методическим кабинетом руководил профессор Г.А. Смирнов-Аляев.

Профессор Г.А. Смирнов-Аляев

Была развернута научно-техническая работа. Ученые института старались оказать максимальную помощь новосибирским промышленным предприятиям.

Всему коллективу института приходилось уделять большое внимание хозяйственной стороне жизни. Снабжение материалами, топливом, продуктами, создание и ведение подсобного хозяйства, охрана и многие другие работы выполнялись сотрудниками, которыми руководил Георгий Кузьмич Шеремет (сам еще, будучи студентом). Энергичный, инициативный, требовательный, он прикладывал много сил и стараний для обеспечения ЛИТМО необходимым хозяйственным инвентарем и лабораторным оборудованием.

*Георгий Кузьмич Шеремет.
Слева – фото 1945 года.
Справа - проректор по
административно-
хозяйственной части ЛИТМО.
Фото 1960 года*

Коллектив преподавателей и студентов много времени уделял благоустройству учебных и бытовых помещений. Были организованы две столовых, парикмахерская, прачечная, сапожная и пошивочная мастерские. Они также участвовали в заготовке дров, с/хозяйственных работах, много времени уделяли подсобному хозяйству института.

К 1 мая директор института Сергей Александрович Шиканов издал приказ с поздравлениями к празднику, благодарностями сотрудникам и студентам за успешную работу «в сборе колосьев». Ряд сотрудников и студентов были награждены ценными подарками.

*Совещание с работниками промышленности в Новосибирске:
в центре директор ЛИТМО С.А. Шиканов. 1943 год*

Весной 1943 года было засеяно 38 гектаров земли. Осенью был получен урожай:

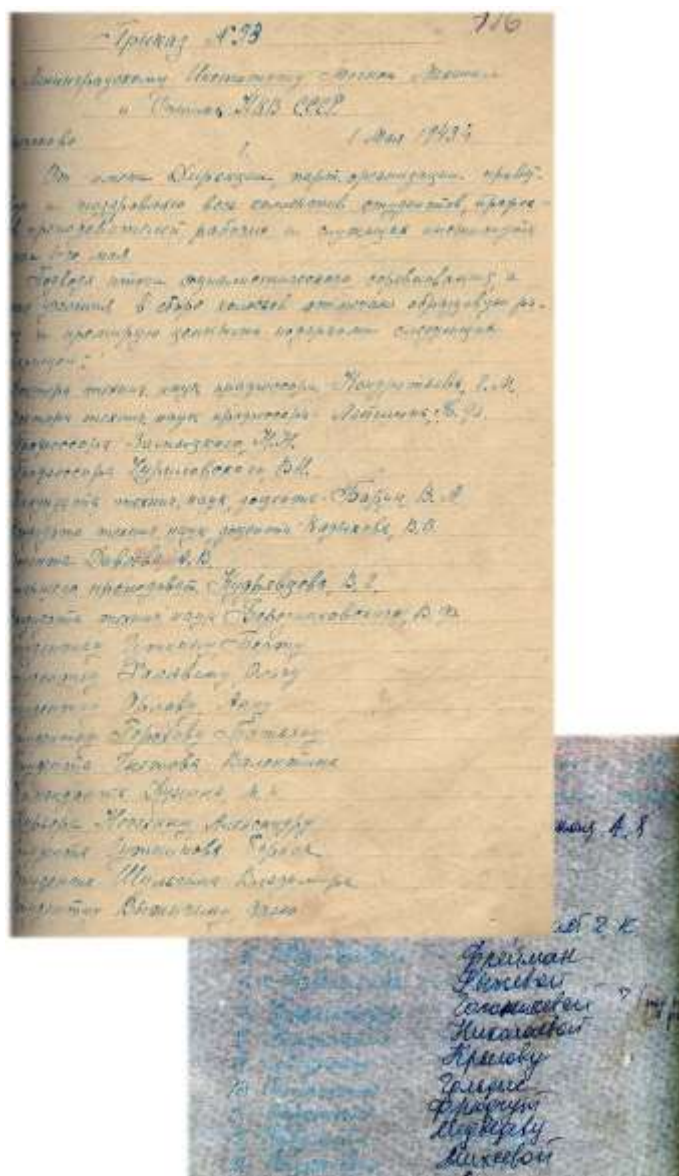
картофель – 136,5 центнера

просо – 40,0 центнеров

капуста – 69,0 центнеров

др. овощей – 39,2 центнеров.

Собрано 40 кг. меда.

*Приказ директора ЛИТМО о награждении
сотрудников и студентов к 1 мая 1943 года*

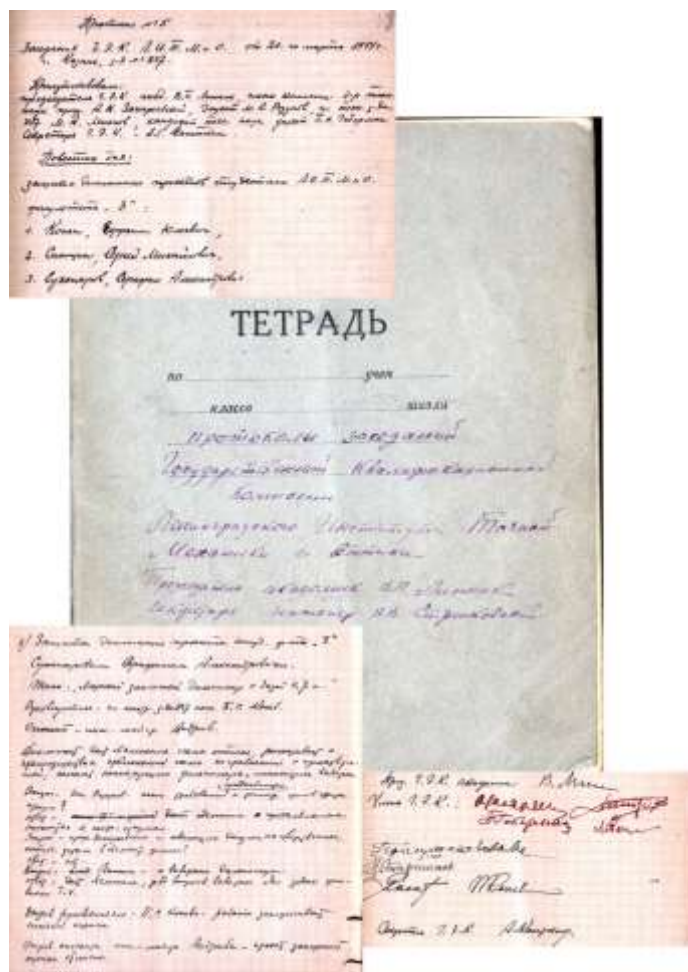
В июне 1943 года закончился первый учебный год института в эвакуации. Количество студентов, обучавшихся в ЛИТМО в г. Черепаново, характеризует следующая таблица

Состояло на 1/I 43 г.	Прибыло в течение отчетного периода, перевода, восстановления, приема	Убыло по различным причинам (РКА, болезнь и др.)	Состояло на 1/VI 43 г.	Состояло на 1/X 43 г.	Состояло на 1/I 44 г. на дневном и вечернем отделении
35 чел.	234 чел.	40 чел.	229 чел.	508 чел.	676 чел.

Тогда же штат профессорско-преподавательского персонала насчитывал 38 человек, к концу 1943 /44 уч. года – 52 человека.

1943 год стал переломным годом в ходе Великой Отечественной войны.

В марте 1944 года Государственная экзаменационная комиссия (ГЭК) под председательством академика В.П. Линника в Казани, где трудились студенты, в основном, выпускных курсов ЛИТМО, приняла первые дипломные проекты, подготовленные в условиях эвакуации. Среди них инженером стал будущий профессор Серафим Александрович Сухопаров.

*Протокол № 5. заседание Г.Э.К. ЛИТМО
от 20 марта 1944 г. о защите дипломных проектов*

А в конце того же года еще одна группа студентов (уже в Йошкар-Оле), защитив свои выпускные работы на заседании ГЭК также под руководством Владимира Павловича, стали дипломированными инженерами.

О Т Ч Е Т
председателя ГЭК акад. В.П. ЛИННИКА по защите дипломных
проектов студентов Ленинградского Института Теоретической
Механики и Оптики состоявшейся в декабре 1944 года.

СОСТАВ ГЭК: Председатель комиссии акад. В.П. ЛИННИК.
Члены комиссии: чл.-корресп. АН СССР А.А. Туполовский,
канд. техн. наук А.А. Зинченко,
г-р физ. инст. наук Л.Н. Гусосовский,
полковник-инженер М.А. Ратунов.
Секретарь ГЭК инж. Орещкович.

Сессия ГЭК проходила в г. Йошкар-Ола при ГЭК.

К защите были представлены личные проекты студентов
ЛИТМО в.г. Г.Н. ЗАКЖИЧЕНОВА и П.В. ТИМОНОВА, а также све-
дения об окончании студенческой учебной работы, включая
дипломных проектов /чертежи, объяснительные записки, от-
четы руководителей и рецензентов/, с которыми члены ГЭК
нашли возможность ознакомиться по листам проектов.

Темами проектов соответствует профилю выпускаемых
специалистов.

Рецензентами проектов были соответствующие специа-
листы ГЭК в заводе №7, которые по своим знаниям и опы-
там обеспечивали квалифицированную рассмотрение проек-
тов.

Кроме членов ГЭК на сессии присутствовали предста-
вители промышленности, научные работники ГЭК и предста-
вители общественных организаций.

Дипломанеу предоставлялось 20-30 минут на доклад,
вопросы и обсуждение продолжались около 30 минут, затем
заключались отады руководителей и рецензента по проек-
ту. Дипломанеу предоставлялось заключительное слово.

Качество и графическое выполнение проектов удовле-
творительное. Подготовка вообще удовлетворительная, хотя
более глубокое знакомство с оптикой было бы предпочтительным.

Председатель ГЭК
академик *В.П. Линник* /В.П. ЛИННИК/

*Отчет председателя ГЭК Действительного члена Академии наук СССР
В.П. Линника по защите дипломных проектов студентами ЛИТМО
в декабре 1944 года в городе Йошкар-Ола*

27 января 1944 года город на Неве салютовал войскам, разгромившим врага под Ленинградом. С радостью и волнением узнали о разгроме гитлеровских захватчиков студенты и сотрудники института, находившиеся далеко от любимого города.

*Картина художника В.В. Пакулина. Демидов переулок. 1943 год.
Написана в блокадном Ленинграде, находится в Русском музее*

Стенд, посвященный эвакуации ЛИТМО 1942-44 годов. Фото 1950 года

Уже к лету 1944 года появилась возможность возвращения института в Ленинград. По решению Исполнительного комитета Ленинградского городского совета депутатов трудящихся от 10.08.44 г. №600-363 институт мог начинать реэвакуацию.

Переезд из Черепаново в Ленинград проходил быстро и организованно.

Вот как вспоминает возвращение в Ленинград Галина Владимировна Тюменева (Кадыкова) - дочь декана факультета Точной механики доцента Кадыкова Владимира Иосифовича:

«В 1944 году ЛИТМО возвращался в Ленинград. Моя семья: я, мама и папа, - ехали домой в большой теплушке – везли институтское оборудование. Вагон был полон приборов, а сверху положены постели, где мы и ночевали. Ехали долго, два месяца. Нас все время задерживали в пути, то пассажирский состав нас отцепит, то колесо у вагона отвалится: тогда мы оказывались с помощью подъемного крана где-то наверху на запасном пути и спускались вниз по приставной лестнице. А там из кирпичей был сложен таганок, где мы готовили себе простенькую еду. Самое вкусное было – «колбаска», т.е. корочка хлеба, натертая чесноком. Настроение, однако, было чудесное. Ведь ехали-то домой! Близок конец войны!» (из статьи Галины Тюменевой «Предназначение – педагог», опубликованной в газете «Университет ИТМО» №135, ноябрь 2011 года).

Заведующий лабораторией кафедры сопротивления материалов, к.т.н., доцент Владимир Иосифович Кадыков (слева) в лаборатории сопромата демонстрирует одну из установок.

Ленинград, ЛИТМО, Демидов пер., д.10. 1940 год.

Фотография из семейного архива Г.В. Тюменевой

Приказ №86

По Ленинградскому институту точной механики и оптики
г. Ленинград

29 сентября 1944 г.

§1

2 октября начать занятия на 2, 3, 4, 5 курсах института.

§2

Занятия на первом курсе начать 6 октября 1944 г.

На 1 октября 1944 года численность студентов составила 551 человек, а спустя год она составила 1127 человек на дневном и 81 человек на вечернем факультетах.

Выпуск молодых специалистов по годам составил:

- 1941- 202 человека,
- 1942 - 45 человек,
- 1943 - никого,
- 1944 - 41 человек,
- 1945 - 26 человек.

Плакат с указанием кафедр ЛИТМО в восстановленном в Ленинграде институте к весне 1945 года

Магда Карловна Андреева, Петрозаводск. 1913 год

Форма № 7.

СПРАВКА № *Андреева М.К.*

Получено от гр-на *М.К. Андреева*
(наименование организации, куда возвращается карточка)
 проживающего в г. _____ по ул. _____ дом № _____
 следующие продовольственные и промтоварные карточки в количестве *4*

Виды карточек	Колич. карточек	НОМЕРА ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ТАЛОНОВ						Количество использованных купонов на промтовары.
		на хлеб	на мясо	на рыбу и рыбопродук.	на масло	на сахар	на крупы, макаронны	
Рабочие и ИТР в т. ч. рабочие на подземных работах и горных делах								
Служащие	<i>4</i>	<i>1-15</i>	<i>1-7</i>	<i>—</i>	<i>1-12</i>	<i>1-5</i>	<i>1-25</i>	<i>0/1</i>
Инженеры					<i>0/1</i>	<i>2</i>		
Дети								

При использовании всех талонов карточка в справке пишется „полностью“.
 Неиспользованные графы прочеркуются.

Справка выдана для получения продовольственных и промтоварных карточек по новому месту жительства или работы, с учетом использованных талонов по сланным карточкам.

13/III _____ 1942 г. _____
 Расписка ответственного лица по пром. и промтоварным карточкам

 Расписка в получении справки

Справка, подтверждающая право получения продовольственных и промтоварных карточек М.К. Андреевой, выданная в марте 1942 года в блокадном Ленинграде

ЭВАКУАЦИЯ ИЗ ЛЕНИНГРАДА С ЛИТМО (1942 – 1944)

(Воспоминания Ирины Николаевны Андреевой, выпускницы ЛИТМО 1948 года)

Дорога на Кавказ

В начале марта 1942 года выяснилось, что ЛИТМО собираются эвакуировать по Дороге жизни в Кисловодск. Наша семья (родители Магда Карловна и Николай Андреевич Андреевы, я, их дочь, Ирина) решили эвакуироваться, так как папе становилось всё хуже и хуже, у него началась цинга, опухли ноги.

Кроме того, с отъездом Ленинградского института точной механики и оптики в эвакуацию на Кавказ, где мама преподавала немецкий язык, а я училась, мама теряла место работы, а я – учёбы.

Уезжали мы из Ленинграда 14 марта 1942 года. Стоял морозный (минус 25 градусов) солнечный день. Как мы добирались до Финляндского вокзала, я плохо помню. Кажется, вещи и папу везли на саночках, а может быть, за нами заехал грузовик института. На вокзале нас в 22 часа погрузили в дачный состав и довели до станции Ваганово, расположенной на берегу Ладожского озера. Здесь начиналась Дорога жизни. В Ваганове нас вместе с багажом погрузили в открытые грузовые машины.

Приблизительно 25 км по льду Ладоги мы проехали без обстрела и прибыли на железнодорожную станцию Кабона, расположенную на другой стороне озера. Здесь нас покормили и погрузили в эшелон, состоявший из товарных вагонов. Переезд через Ладогу и погрузка в эшелон происходили ночью. В вагоне были верхние и нижние нары. Нам достались верхние, где кроме нас расположились ещё три человека. Одним из них был будущий доктор технических наук, профессор З.М. Аксельрод. Туалета в поезде не было. Использовались железнодорожные пути во время стоянок. Кормили нас на станциях горячей пищей и хлебом, о чём ставили печать в эвакоудостоверении. С собой никаких продуктов не было.

Захар Маркович Аксельрод. Фото 1955 года

Папе становилось всё хуже и хуже и 22 марта 1942 года он скончался около Ярославля. Об этой смерти нам сообщил З.М. Аксельрод, который находился с папой рядом. Мы с мамой в это время спали. Умерших с поезда снимали милиционеры, которые на крупных станциях проверяли вагоны.

В Ярославле появился и в нашем вагоне милиционер, он оказался очень порядочным человеком. Он настоял на том, чтобы мы сняли один из двух костюмов, которые были на папе, и обручальное золотое кольцо. Мы бы с мамой этого не сделали. Никакой справки о смерти папы нам не дали - пришлось подтверждать показаниями свидетелей уже в городе Черепаново в 1944 году. Большое горе, которое свалилось на нас, ощущалось мной и, наверное, мамой не так остро, как это было бы в мирное время. Война и блокада были тому виной.

Дальше мы продолжили свой путь до Кисловодска вдвоём. Прибыли в Кисловодск 6 апреля, то есть через 24 дня после отъезда из Ленинграда.

Кисловодск

Кисловодск встретил нас тёплой солнечной погодой, изобилием продуктов на рынке и тёплым приемом местных жителей. Те эвакуированные, которые страдали тяжёлой формой дистрофии, были помещены в больницы, а остальных временно разместили у местных

жителей, которые добровольно предлагали своё жильё. Мы поселились у одинокой женщины в частном маленьком домике—мазанке. Спали мы на полу: на перине, на чистом белье хозяйки. В первый день она нас накормила отварной картошкой, а потом мы получили талоны на питание в столовой. Слова «ленинградец» и «блокада» значили для местных жителей очень многое. Доверие между нашей хозяйкой и нами было полное. Мы оставляли у неё все наши вещи, когда уходили по своим делам, она – ключи от дома. Через некоторое время мы переселились в большую комнату на первом этаже каменного дома. Эту комнату мы и снимали.

Где-то в конце июля меня, как студентку ЛИТМО, отправили в Ессентуки на полевые работы – рушить кукурузу, то есть отламывать початки от стебля. Побег кукурузы были выше человеческого роста. Было очень жарко и пыльно, да ещё нужно было таскать за собой мешок с початками, пока он не наполнится.

В один из дней я получила телеграмму от мамы, в которой сообщалось, что утром следующего дня она должна уехать из Кисловодска. Телеграмму я получила где-то в середине дня. Я бросила работу, побежала в общежитие, собрала вещи и отправилась пешком до железнодорожной станции. А до нее было приблизительно 10 км. Иду по дороге и плачу. На моё счастье, меня догнала арба, запряжённая лошадей, и пожилой возница довёз до станции. К вечеру я была дома. Мама рассказала, что приходили из НКВД и предупредили, что на следующий день утром за ней приедет машина, и её, как немку, депортируют в неизвестном пока направлении. Я же могу остаться в Кисловодске. Конечно, мы решили ехать вдвоём и стали укладывать вещи. Рано утром появились два очень вежливых молодых человека в военной форме, предложили снести вещи в грузовую машину и ехать с ними, на что я им ответила: «Раз вы нас выселяете, то несите наши вещи сами». Как ни странно, такое нахальство с моей стороны они восприняли с юмором, отнесли наши вещи и погрузили в грузовик. На вещи сели мы (нам вежливо помогли), и грузовик повёз нас на вокзал. Здесь нас

погрузили в эшелон, состоявший из обычных жёстких вагонов, и отобрали паспорта. Вместе с нами в эшелоне ехали немцы Поволжья.

Всё это делалось в ожидании наступления немцев. Как сложилась бы наша судьба, если бы мы оказались у немцев в Кисловодске, трудно сказать. Части преподавателей и студентов удалось из Кисловодска бежать на грузовике и на повозках, как Л.П. Рифтину и Зяме Хайкину (*Хайкин Залман Эльвич* – ред.), часть - осталась в оккупации, как Нина Саксина (Попова).

*Заведующий кафедрой иностранных языков
(1934-1942) Карл Иосифович Фальк*

Некоторых, в том числе заведующего кафедрой иностранных языков ЛИТМО Карла Иосифовича Фалька и его жену Фаню Абрамовну, согнали вместе с остальными евреями в одно место и расстреляли. Ему предлагали уехать, но он, получивший образование в Германии, сказал, что немцы его никогда не тронут. Несколько человек, находившихся в больнице, умерли. Так закончилось пребывание эвакуированных из Ленинграда студентов и преподавателей ЛИТМО в Кисловодске.

ХАРАКТЕРИСТИКА.

Доцент Карл Исидорович ФАЛЬК работает в ЛИТМО с 1935 г. в качестве зав. кафедрой иностранных языков. Окончил электротехнический институт в Карлсруэ /Германия/ и имеет 32 летний педагогический стаж. Известен своими научно-педагогическими трудами, в числе которых имеется ряд вышедших печатных учебников, получивших широкое распространение в СССР. Как руководитель кафедры, К.И.Фальк организовал высококвалифицированный коллектив преподавателей и много времени уделял методической работе на кафедре. Под его руководством коллектив кафедры составил ряд полезных учебников и словарей, нашедших свое повседневное применение в Институте и поднявший на высоту изучение иностранных языков студентами. Лично К.И.Фальк всегда уделял большое внимание тщательной работе со студентами, а также консультациям аспирантов и молодых научных работников по иностранным языкам. В общественной жизни института К.И.Фальк также принимал активное участие, он сам, а также его кафедра неоднократно брали на себя социальную ответственность, которая всегда выполнялась.

Настоящая характеристика выдана для представления в Наркомат Соцобеспечения на предмет назначения К.И.Фалька академической пенсии.

С.А.Шиканов.

М.П.Загорская.

Характеристика, выданная администрацией ЛИТМО заведующему кафедрой иностранных языков доценту К.И. Фальку 16 октября 1941 года

Неизвестное направление

Мы с мамой отправились в долгий путь с неизвестным местом назначения. В нашем распоряжении была одна нижняя полка купе. Все остальные полки, кроме багажных, занимала семья немцев. Их депортировали из Поволжья. Они говорили на таком диалекте, что мы с трудом их понимали. За стенкой нашего купе ехали четыре вора, выпущенные из тюрьмы, которые на почве имевшегося у нас чайника,

подружились с нами. Обычно за кипятком на станциях бегали они. Под их присмотром наши вещи были в полной безопасности, так как воры тех времен у своих не воровали. Все крупные остановки мама использовала для покупки продовольствия или обмена вещей на него. Если эшелон останавливался не на станции, мы пытались использовать время стоянки для приготовления горячей пищи. Длительность стоянки эшелона мы не знали, поэтому при длинных гудках паровоза хватали кастрюлю с костра, который с таким трудом удавалось, разжечь, используя найденные щепки и всё то, что может гореть. Иногда тревога оказывалась ложной и эшелон продолжал стоять. Так мы добрались до Баку. Там мы прошли санитарную обработку, то есть нас вымыли в бане, а нашу одежду прожарили, чтобы уничтожить вшей.

Как ни странно, но, ни во время эвакуации из Ленинграда, ни во время путешествия в неизвестном направлении с немцами никаких насекомых у нас с мамой не завелось, даже не смотря на длинные волосы. После санитарной обработки нас на грузовиках привезли в порт и погрузили в трюм большого парохода. При погрузке вещи разрешили взять с собой в трюм, а продовольствие грузили отдельно. Продовольствие в больших мешках (в основном зерно) везли с собой немцы. У нас с мамой был небольшой белый мешочек с крупой и мукой, выменянными в пути. И мы, как напуганные граждане СССР, его покорно сдали. На наше счастье, море было спокойным, и без всяких приключений мы добрались до Красноводска, расположенного на противоположном берегу Каспийского моря. Нас выгрузили прямо на песчаный пляж. Как ни странно, при выдаче мешков был полный порядок. Немцы получили свои большие мешки, а мы – свой маленький. На берегу рядом с нами пристроились наши знакомые четыре вора. Снова мы вместе пользовались чайником и, уходя на короткое время, оставляли на их попечение наши вещи. Готовили мы на костре, воду нам привозили, спали на двух чемоданах. В Красноводске стояла жара, пресная вода там была привозной и продавалась из бочек, купаться в море нам даже не приходило в голову. Так мы провели на берегу моря двое или трое суток.

Потом нас в очередной раз погрузили в эшелон, состоящий из старых польских вагонов. В них не было обычного коридора, а вход был прямо в купе. Наше путешествие снова продолжилось, но уже по Средней Азии. В вагоне были туалет и вода, поэтому можно было кое-что постирать. А сушить было совсем просто: держишь вещь несколько минут в открытом окне, и она сухая, даже как выглаженная, сухим горячим воздухом. Горячую пищу мы по-прежнему готовили на костре, по-прежнему что-то меняли, что-то покупали. Так как через большие города эшелон пропускали в основном только ночью, то о маршруте путешествия у меня в памяти не сохранилось чёткого представления.

Из путешествия до Баку мне очень хорошо запомнился порт Дербент на берегу Каспийского моря. Там, по нашим сведениям, эшелон должен был простоять около двух часов и прибыть туда днём. Так и произошло. Пассажиры побежали на рынок в надежде купить рыбу. Побежала и мама, а я осталась в вагоне. Вернулась мама, когда паровоз стоял уже под парами, она вошла в вагон, и эшелон тронулся. Мама купила очень вкусную рыбу, но нам, особенно мне, было не до неё. Помню, что мы пересекали Амударью и ехали вдоль Сырдарьи. Вода в этих реках мутная и желтоватого цвета. Помню огромные пространства пустынь и караваны верблюдов. На одной из остановок мама попыталась погладить верблюда, за что он отплатил ей чёрной неблагодарностью - плюнул в лицо.

И только сейчас, когда пишу эти воспоминания, я решила посмотреть по карте наш длинный-длинный маршрут. Ехали мы по нему около месяца. Вот основные города и республики, которые мы проехали: от Минеральных Вод до Баку, Моздок, Гудермес (Чечено-Ингушская ССР), Хасавюрт, Махачкала, далее вдоль берега Каспийского моря - Избербаш, Дербент (Дагестанская ССР), Азербайджанская ССР – Хочмас, Сиазань, Сумгант, Баку. Железная дорога от Красноводска до Кустаная начиналась не от Красноводска, а от станции Джанга, расположенной тоже на берегу Каспия. Здесь нас и погрузили в эшелон. Это была уже Туркменская ССР. По ней мы

проехали Ашхабад, Мары, Чарджоу. Узбекская ССР – Каракуль, Каган, Самарканд, Ташкент; Казахстан (Южный) – дорога вдоль Сырдарьи (Яныкурган, Кзыл–Орда, Новоказалинск). И далее, на северо-запад, – Аральск (на берегу Аральского моря), Актюбинск, Оренбург (на реке Урал), снова на юго-восток – Троицк и наконец пункт назначения город Кустанай (Северный Казахстан).

За сутки до прибытия нам выдали паспорта. У мамы в паспорте оказалась нам пока ещё не совсем понятная печать (о её смысле мы узнали гораздо позже), мой паспорт был чистым. Кустанай запомнился довольно большим городом, в моём тогдашнем понимании, большой деревней с домами-мазанками. Мама пошла в ГОРОНО и в РАЙОНО (городской и районный отделы народного образования). В последнем - она получила направление в школу села Александровка, расположенного в 40 км от Кустаная. Немцам Поволжья, которые ехали с нами, предложили отправиться в более отдалённый Боровиковский район, который славился отборными сортами пшеницы, из неё выпекали очень пышный хлеб. Впоследствии немцы организовали там очень крепкие хозяйства.

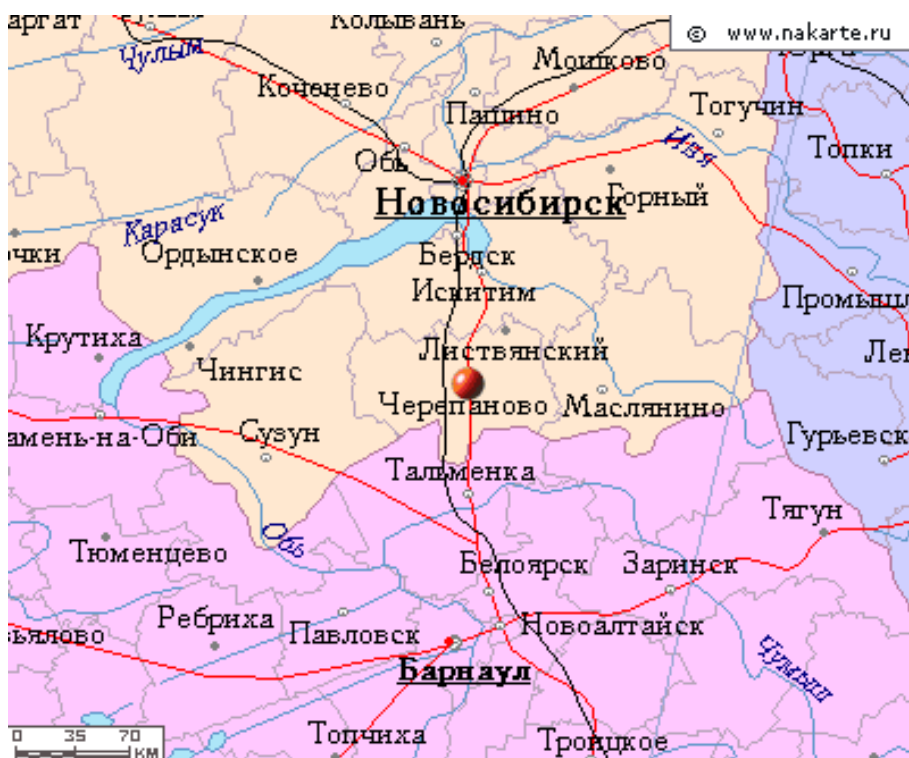
Мы отправились в Александровку на первобытном транспорте – телеге, запряженной двумя волами. Кругом необозримая степь, голубое небо, ярко и очень жарко светит солнце. 40 км мы преодолели за 8 часов и вечером были в Александровке у здания школы. Нам показали, где живёт директор, мама предъявила свои документы и представилась ему. Директор предложил ей уроки немецкого языка и литературы в старших классах. Первые дни мы жили в школьном классе и спали на столах, потом нас определили на постой к милиционеру. Питались мы в колхозной столовой, где нам давали «затируху» – комочки муки, сваренные в воде, «обрат» – жидкость, которая остается после сепарирования молока, и хлеб - вкусный, но горький от попавшей в него полыни - неизбежного сорняка. У милиционера мы прожили недолго. Сам он был симпатичным, хорошо к нам относился, но бабка, его мать, была очень вредной и всячески старалась нас выжить. И мама нашла

другую «хату». В ней жили бабушка, её невестка и пятилетний внук. Муж невестки пропал без вести на фронте. За это невестку исключили из колхоза. Пропал без вести – значит, сдался в плен, значит, враг народа. Поэтому невестка, ничего не получая от колхоза, как остальные, за трудодни, работала на случайных работах. Всё семейство жило на кухне, спало на репках (старой одежде) на полатах. Нам отвели горницу, где была большая металлическая кровать с матрасом, периной и горой подушек.

Из всего этого великолепия нам оставили матрас и две подушки. Постельное бельё у нас было своё, были и пледы. Наша территория в горнице определялась длиной кровати, глубже в комнату мы не входили. В доме было очень чисто. На белых деревянных полах лежали половики, обувь у входа нужно было снимать. Ели за деревянным столом, тоже белым. Хлеб хранился в одном из отсеков деревянного ларя, в другом хранилась мука. Зерно было ещё урожая 1940 года, очень обильного в Северном Казахстане. Хлеб в русской печи один раз в неделю пекла бабушка. У хозяев были корова, телёнок, овцы и куры. Лето подходило к концу, и нужно было решать, куда мне ехать учиться. Чтобы получить «вызов» из учебного заведения (без него ехать было нельзя) необходимо было отправить туда свои документы. Узнав, что мои родственники из Харькова были эвакуированы в Челябинск и, согласовав все с ними, я послала документы в Институт механизации сельского хозяйства. Вскоре пришел вызов, и я уехала, расставшись с мамой первый раз в жизни.

На следующий день после приезда, утром, я отправилась в институт. По городу ходили трамваи и троллейбусы. Здание института было расположено в сосновом парке, переходящем в лес. Учебные помещения, общежитие, столовая, сапожная мастерская, магазин – всё было расположено в одном здании. Мне дали место в комнате, где, кроме меня, были еще четыре девушки. Когда по радио объявили о прорыве блокады Ленинграда, по всему общежитию прокатился громкий крик «Ура!». Кормили нас в столовой по талонам даром три раза в день так, что от голода никто не умер,

но и сытым не был. Я только не могла есть отварную белую сахарную свёклу, которая слаще обычной, если она была полита машинным маслом. Меня подкармливали родственники, когда я уезжала к ним вечером в субботу или утром в воскресенье. В общежитии было тепло, светло и чисто. Всегда была вода. Когда на улице было очень холодно, мы вообще не выходили из здания. Помню только, как однажды в очень сильный мороз нас отправили на железную дорогу разгрести огромную кучу каменного угля. Всё закончилось благополучно: никто не обморозился и не заболел. Но однажды на этих же работах произошел несчастный случай. Молодого человека засыпало углём, и он погиб. Занимались мы честно, много читали, в институте была хорошая библиотека. Сдала зимнюю сессию, получив по всем предметам пятёрки, кроме двух четвёрок по одной в каждую сессию.

Карта Новосибирской области с отметкой города Черепаново

Весной 1942 года произошло событие, изменившее мою жизнь. В Челябинске появился представитель ЛИТМО - студент старшего курса М. Хидекель. После бегства из Кисловодска институт во главе с директором Сергеем Александровичем Шикановым оказался в городе Черепанове в 40 км по железной дороге от Новосибирска. Представитель был направлен в

Челябинск для вербовки студентов. Я к нему пришла, и мы договорились, что к началу учебного года, то есть к 1 сентября 1943, он пришлёт мне вызов.

Фотография вокзала города Черепаново

Учёба в ЛИТМО была гарантией возвращения в Ленинград. Но нужно было, чтобы меня отчислили из Челябинского института, а это было сложно. И я отправилась к директору. Заикаясь от страха, сообщила причину прихода и протянула директору заявление. Он долго меня отговаривал и только аргумент, что я никогда не смогу вернуться в Ленинград, заставил его подписать моё заявление.

На лето я уехала к маме и вернулась в Челябинск в середине августа.

В Челябинске меня ожидал вызов в Черепаново. Оформив у начальника милиции разрешение на выезд и, купив билет, в конце августа в плацкартном вагоне, на верхней полке, я уехала в Новосибирск. Туда я прибыла приблизительно через сутки и узнала, что до отправления поезда в Черепаново – «передачи», как его здесь называли, – ждать ещё несколько часов. Когда до отправления поезда оставалось около часа, я решила выйти на перрон и потащила по лестнице свой чемодан. Но тут меня остановил милиционер, спрашивая, куда я иду: «Что ты, там тебя ограбят. Иди в зал и

*Военное фото
С.А. Шиканова*

найди людей, которые тоже стоят с вещами». Я вернулась в зал, и меня окрикнула пожилая еврейская пара. Мы поставили вещи посередине, а сами стали вокруг. Так добрые люди спасли меня от воров, и я благополучно прибыла в Черепаново.

Черепаново был городом, состоявшим в основном из одноэтажных деревянных домов и прямых улиц с деревянными тротуарами. Институт размещался в двух зданиях: деревянном, где были кабинет директора и его заместителя и часть аудиторий; другая часть аудиторий располагалась в каменном здании, в так называемом лабораторном корпусе. В этом же корпусе жил С.А. Шиканов со второй женой, молодой и красивой, и домработницей.

*Галина Константиновна Шиканова,
заместитель заведующего Техникума
точной механики и оптики, супруга
директора ЛИТМО.
Новосибирск. 1943 год*

*Деревянное здание ЛИТМО в Черепаново: здесь размещались
дирекция института, библиотека, аудитории.
Город Черепаново. 1942 год*

От одного здания до другого можно было дойти минут за 10–15. Но директор пешком не ходил, а ездил: весной, летом и осенью верхом, а зимой – в санях. Тогда в проходной деревянного здания можно было увидеть возницу директора, сидящего на сложенном ковре, которым в санях укрывались его ноги.

Студенты жили в общежитии в двух деревянных домах: старшекурсники в одном доме, первый и второй курсы – в другом.

Молодые люди, которых было очень мало, жили на частных квартирах. Получив направление в общежитие, я направилась искать дом, где оно находится, и его коменданта. Нашла всё быстро. Общежитием оказалась большая комната, в которой жило 40 человек. В ней стояли топчаны (деревянные кровати, состоящие из двух козел и досок, положенных на них; на доски клался матрас – мешок, набитый соломой), небольшой стол с несколькими табуретками, большая стоячая вешалка с полкой. В углу находилась большая плита. На мой вопрос, где найти коменданта, обращенный к круглолицей голубоглазой девушке, стоящей на топчане,

последовал ответ: «Я комендант, но топчана свободного нет, есть только матрасный мешок, набейте его соломой и займите любое место между топчанами, а потом, возможно, и топчан найдётся». Этой девушкой была Вера Михайловская, с которой я потом дружила более 60 лет, до самой ее смерти. Через некоторое время нашёлся топчан, и я стала полноправным членом общежития.

Лабораторный корпус ЛИТМО, здесь размещались кафедры оптического факультета, точной механики и кафедры: технологии приборостроения, организации производства, химии, учебные мастерские.

Город Черепаново. 1943 год

Для отопления комнаты нам выдавали каменный уголь, но, чтобы он горел, нужны были дрова, а их давали очень мало. Поэтому поздними вечерами зимой студенты отправлялись на промысел. Воровали дрова у местных жителей (2-3 полена за один поход) или ломали тротуары. Однажды в такой поход отправились Вера и её подруга, на шее которой был яркий шарфик. Около одного из домов они обнаружили большую поленницу дров и утащили из нее по два полена. Вдруг раздался лай собаки, и из дома выскочил мужчина с фонарём. Девушки бросили поленья и пустились

наутёк. Вера побежала в противоположную сторону от общежития и спряталась за домом, а подруга - в общежитие и бросилась на второй этаж в надежде там спрятаться. Но по дороге потеряла свой шарфик. Мужчина обнаружил шарфик, явился в общежитие и по нему быстро узнал фамилию девушки. Но вся интрига заключалась в том, что пострадавшим был начальник милиции Черепанова. Дело дошло до Георгия Шеремета, заместителя директора по хозяйственным вопросам, но никакого наказания, кроме устного выговора, от него не последовало.

*Группа студентов после футбольного матча на фоне общежития ЛИТМО.
Черепаново, 1943 год*

Освещалась наша комната коптилкой, стоявшей на столе. За столом, за которым помещалось четыре человека, мы готовились к практическим занятиям, строго соблюдая заранее согласованную очередность. Так как темнело рано, занимались практически с пяти вечера до утра. Писали ручками с металлическими перьями, иногда карандашом. Использовали для черновиков разную бумагу, даже обёрточную, для чистовиков – тетради. Всё это нам выдавали.

На плите всегда грелся большой чайник, воду получали из растопленного снега, который был чистым. Питались тем, что давали в столовой по талонам. Иногда в столовой не ели, а брали еду домой. Как-то мы с Верой сели обедать: суп был в кружке (на двоих) и второе – в другой

маленькой кружке, тоже на двоих. В этот момент вошел директор и, увидев наши кружки, был очень удивлён количеством и качеством нашего обеда. Ещё больше удивили его старшекурсницы, в общежитии которых он увидел свисающие с потолка над столом две верёвочки с кусочками сахара и сухаря. «Это мы пьём чай вприглядку», - объяснили студентки. Иногда у нас был «пир». Это случалось, когда мы получали стипендию, деньги от родственников или посылки. Получив стипендию, шли на рынок, покупали «круг молока» (замёрзшее молоко) и ели его, как мороженое.

*Георгий Шеремет (справа) и С.А. Шиканов.
Ленинград. Фото 1945 года*

Ни на какие работы нас зимой не посылали. Мы только почему-то должны были по двое дежурить ночью в лабораторном корпусе – охранять учебные винтовки. Во время одного из этих дежурств произошло два чрезвычайных происшествия. В одном были замешаны я и девушка, с которой я дежурила.

Но сначала о первом. Дежурили два парня и вместо того, чтобы честно, хотя бы по очереди, караулить винтовки, они легли спать. Но не спали директор, его жена и домработница. Они тихо перенесли винтовки в квартиру директора. Проснувшись рано утром, парни обнаружили исчезновение винтовок. Было много шума, ребят чуть не исключили из института (тогда их взяли бы в армию). Дело закончилось строгим

выговором. Со мной же произошло следующее. Я честно отсидела полночи у телефона, потом настала моя очередь спать, а напарницы – дежурить. Я ушла в аудиторию, а девушка осталась у телефона и, как потом выяснилось, крепко заснула.

Рано утром, когда мы уже обе не спали, раздался телефонный звонок. Я взяла трубку и услышала строгий голос директора:

- *«Кто дежурит?»*

- Я ответила.

- *«А где ваши документы: паспорт, комсомольский билет, студенческий билет?»*

- *«В сумке».*

- *«Проверьте».* – Я проверила.

В сумке ничего не было.

- *«Придите, я их Вам отдам, только в следующий раз никому не оставляйте свою сумку и ни на кого не надейтесь».*

И я получила назад свои документы из рук директора. Он знал, чья я дочь и очень хорошо ко мне относился. Как-то вызвал он меня в кабинет и говорит:

- *«Садись и пиши заявление, что тебе нужно из одежды».*

- *«Мне ничего не нужно».*

- *«Ну, как ничего, валенки нужны?»*

- *«Нет, у меня есть».*

- *«Чулки нужны?»*

- *«Нужны».*

- *«Пиши».*

А мне очень нужны были трико, но не могла же я ему об этом сказать, но он сам догадался. Так я получила мыло и по две пары трико и чулок. Вере же по заявлению не сразу, а, наверное, через месяц выдали валенки. До этого она ходила на лекции, одалживая валенки у соседа, а владелец валенок лекции в тот день пропускал.

О СТОЛОВЫХ ПОРЯДКАХ И ДВУНОГИХ ЛОШАДКАХ

*В институте Точмеханики
Все снабженцы в дикой панике.
У директора Шиканова
Очень много пыла рьяного;*

*Всем грозит он им расправую:
«Вы нас кормите отравую!
Задушили кашей пшениною
Вкуса всякого лишнюю.*

*Для желудка для здорового
Нужно листика лаврового,
Нужно перца, да с горчицею.
Я Вас всех отдам в милицию.*

*Что за странная история:
Жидкий кофе без цикория,
И отсутствует печенье,
Не обед, а огорченье!*

*Обстановка очень странная:
Скатерть грязная и рваная.
Нет ни ножика, ни вилочки,
И вина нет ни бутылочки.*

*Вся прислуга бестолковая.
Эй, комиссия столовая!
Говорите без стеснения,
Объясните все явления!»*

*И комиссия ответила:
«Эти факты я отметила,
Записала четко в рапорты.
Нам райторг для удовольствия
Обещает продовольствия.*

*Но труды у нас потеряны:
Нам нужны для возки мерины.
Всюду царствует растерянность,
Появите-же уверенность, Вашу
волю непреклонную!*

*Дайте только тягу конную!
Мы завалим вас продуктами.
Овощами, рыбой, фруктами,
Битой птицей, мяса тушами,*

*Ананасами и грушами.
Ароматными и смачными
И изделиями табачными!»
Говорит на то дирекция:
«Будет Вам коней коллекция!
Дух наш твердый не преклонится;
Есть у нас лихая конница!
Наши кони благородные,
Для любой работы годные;
Я горжусь их благодравием.
Есть кобылки из Аравии
Есть мустанги из Америки,
Жеребцы с Донца и Терека!*

*Есть и серые, и чалые,
Воронье разудалые,
Есть гнедые, есть и пегие,
Запрягу их всех в телеги я.
Наши лошади приручены,
Всяким фокусам обучены,
Разукрашены, наглажены,
Напомажены наряжены.
Все бубенчики, да ленточки, -
Все студенты, да студенточки!»*

*Авилова, 20 февраля 1943 года,
«Напечатано в газете №1
от марта 1943 года (подпись)»*

Сдали мы экзамены за первый семестр. А после Нового, 1944 года по вызову С.А. Шиканова приехала в Черепаново мама. Интересно, что, когда она была ещё в Александровке, ей гадала полька и сказала, что её вызовет человек из казенного дома, и она будет жить со мной, и даже сказала, когда это будет. Очень трудно было уговорить директора отпустить маму, но в конце концов он сдался. Поселились мы с мамой в частном одноэтажном деревянном доме в одной комнате с женщиной, которую звали Феня, и её маленьким сыном. Феня работала в институте уборщицей. В комнате было тепло, дровами нас обеспечивал институт. Вот только маленький сын Фени делал набеги на наши продукты, но время было голодное, и мы ему это прощали. Об этом мальчике как-то узнал весь наш поток. Наш любимый преподаватель физики профессор Агнивцев, стирая тряпкой написанные на доске формулы, вдруг развернул её и сказал: *«А вот это - трусики маленького сынишки Фени»*.

Профессор Константин Константинович Аглинцев

Рядом с нами в доме жили цыгане. Они разобрали пол в комнате и сделали посередине очаг. Маленькие, очень красивые цыганята босиком и голенькие выскакивали на мороз, окунались в снег и убегали домой. Морозы доходили до 40 градусов, но переносились легко.

Очень красивыми были морозные лунные ночи. В одну из таких ночей мы с мамой возвращались из кино, где смотрели фильм «Два бойца». Песня в

исполнении Бернеса «...и у детской кроватки тайком ты слезу утираешь...» всю жизнь ассоциируется у меня с той лунной морозной ночью.

*Справка, выданная Магде Карловне Андреевой
29 августа 1944 года в подтверждении того, что она
эвакуировалась из Ленинграда в 1942 году вместе с ЛИТМО*

Чтобы иметь возможность купить кое-какие продукты на рынке, мама продавала там тетради и вещи, которые мы иногда получали от института. Делать ей это было очень неприятно, и однажды она решила отправить меня, чтобы продать юбку, которую я получила. Я покорно её взяла, сунула под пальто и, вернувшись через некоторое время домой, сказала маме, что никто не купил. О том, как все было на самом деле, я призналась позже.

Весной 1944 года по институту прошел слух о возвращении в Ленинград. Отдел кадров составлял списки отъезжающих, в том числе и студентов. Оформлялось всё это не как возвращение студентов на учёбу, а для их участия в восстановительных работах в Ленинграде, которые начались ещё до окончания войны.

Позже, уже весной 1945 года, уехал весь состав института. Я уезжала одна. Маму перед моим отъездом вызвал начальник отдела кадров

Виноградов - молодой, очень противный и важный - и объяснил, что печать, поставленная в паспорт во время путешествия в Казахстан, означает запрет на проживание в ряде городов и, конечно, в Ленинграде. И снова на помощь пришел С.А. Шиканов. Благодаря его хлопотам в милиции (в Черепанове и в Новосибирске) маме обменяли паспорт на новый, в котором не только не было никаких ограничений. Правда, в графе «национальность» вместо «немка» было написано «русская». Но это было уже весной 1945 года.

Справка, выданная М.К. Андреевой в Черепановской комендатуре 30 ноября 1944 года в подтверждении того, что никаких ограничений на неё не распространяется

Надо сказать, что ещё до приезда мамы меня вызывали в черепановскую милицию и интересовались, почему у матери-немки дочь русской национальности. Я с независимым видом ответила, что национальность определяется по отцу. После недолгого спора на эту тему меня оставили в покое.

Забыла ещё написать, что в Черепанове я познакомилась с Ниной Поповой, которая попала в Кисловодске в оккупацию к немцам и поэтому

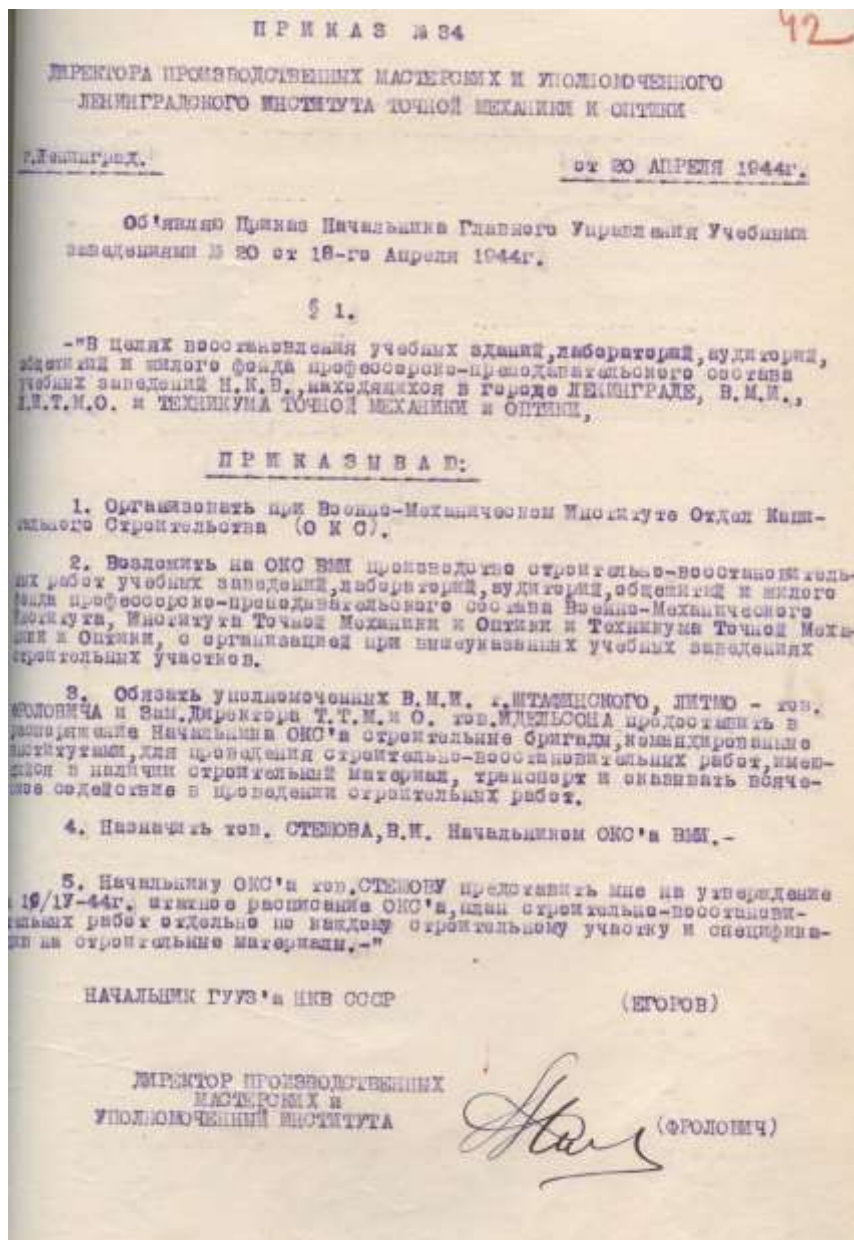
позже, чем я, приехала в Черепаново. В оккупации жилось очень тяжело, на работу немцы не брали, из одежды и вещей было продано всё, что можно. Денег не было, платить за квартиру было нечем, и хозяйка выгнала. Жили в заброшенном сарае, варили кашу из зерна, которое где-то собирали. Однажды какой-то немец их подкормил, а другой – чуть не застрелил. После ухода немцев из Кисловодска весной 1944 года, все оставшиеся литмовцы объединились и составили список тех, кто пережил оккупацию. Туда приехал представитель из Черепанова и увёз список С.А. Шиканову. Тот, уж не знаю в каких инстанциях, добился возвращения всех, бывших в оккупации студентов и преподавателей, в институт. Исключение составили только те, кто, как тогда говорили, «сотрудничал» с немцами, то есть официально работал.

Резэвакуация — домой в Ленинград

Август 1944 года. Наш поезд, состоящий из нормальных жёстких вагонов, после 18 суток пути подъезжает к Ленинграду, и...«красный свет» задерживает его на три часа у станции Фарфоровый пост. Эти три часа показались нам длиннее 18 суток. И наконец, я дома, но «без дома». Ленинград удивил своей чистотой и малым количеством людей на улицах.

Первые дни мы ночевали на полу в какой-то аудитории в здании ЛИТМО, потом какое-то время я жила у соседки в своей бывшей квартире, и наконец, нам – двум моим подругам и мне – дали комнату в общежитии Военно-механического института. Оно находилось в сером здании на углу Измайловского проспекта и Обводного канала почти напротив Варшавского вокзала. Приехав, я узнала, что обе наши комнаты заняты управхозом – женщиной, которой мы при отъезде продали кое-какую мебель и вещи. Что никаких прав на наши комнаты мы не имеем, так как после нашего отъезда приходили из НКВД, чтобы в 24 часа выселить маму из Ленинграда, как немку. Все это было, конечно, известно управхозу. Всё, что нами не было продано ей, она присвоила себе. Но всё-таки частичка совести у неё была. Впоследствии часть мебели она вернула и, самое главное, обещала дать

комнату и обещание выполнила. Но об этом ниже.

Приказ директора учебных мастерских и уполномоченного ЛИТМО в Ленинграде А. С. Фроловича о порядке восстановления здания института и возобновлении учебного процесса в 1944 году

Занятия в институте начались в сентябре, а до этого нас посылали на городские работы. Мы разбирали завалы кирпичей разрушенных зданий и ездили сажать деревья на территории будущего приморского Парка Победы. В одну из таких поездок мы с Верой Михайловской попали в аварию. Наш грузовик, в кузове которого мы сидели на саженьцах, въехал в канаву, но этим дело ограничилось. С началом занятий я поселилась в общежитии. Нам выдали талоны на хлеб, крупы, мясо и жиры, по которым мы питались в

столовой ЛИТМО. Ещё получали по пол-литра водки на человека в месяц. Денег на отоваривание карточек и водки хватало, а других расходов у нас не было. Водку мы выпивали. В общежитии жили дружно. Прятали от всяких комиссий, которые часто делали обходы по комнатам, электрические плитку и чайник. Нижний ящик платяного шкафа мальчики обили жестью, и в нём мы держали кирпич, обмотанный проволокой, которая подключалась к сети. Так мы обогревались.

*А. С. Фролович – директор учебных мастерских
и уполномоченный ЛИТМО в Ленинграде в период 1942 – 1944 годов*

Проблемы общежития

В общежитии нас обокрали. Как-то вернувшись с занятий, мы обнаружили, что из шкафа исчезли все наши платья, а остались только пояса. По нашему заявлению в милицию воров вскоре поймали на Мальцевском рынке. Ими оказались наши студенты. Их судили, к чему приговорили, я не помню. Вещи не вернули, так как их успели продать. Это была вторая кража в моей жизни. Первая произошла в общежитии в Черепанове, когда из моей сумки, которую я оставила на вешалке в нашей комнате, пропали мои часы. Эти часы мне в третьем классе подарила моя тётя. Я их всё время носила на руке, но в Черепанове они испортились, и я положила их в сумку. Воровством, и не только моих часов, но и денег, занималась студентка из обеспеченной семьи, которая жила в Новосибирске. Её поймали за руку

только после того, как нашу комнату расселили, переведя двадцать человек в другую комнату на втором этаже. У нас после этого деньги пропадать перестали, а у них – нет. Мне сказали, кто был вором. Я долго в беседе с девушкой убеждала её вернуть мне часы, но она упорно отрицала свою виновность. Когда я уже совсем потеряла надежду, она вдруг сказала, что отдала их в ремонт в Новосибирске, и отдаст их мне по приезду оттуда. Свое слово она сдержала: я получила отремонтированные часы. Через некоторое время она бросила институт и уехала к родителям.

Чтобы покончить с кражами, расскажу еще об одной. В третьей краже снова фигурировала моя сумка. До войны она принадлежала маме, потом мама отдала ее мне. Она была из настоящей крокодиловой кожи, с металлическим ободом. В сумке я носила всё самое ценное: паспорта, комсомольские билеты, карточки – мои и Верины (она всё отдала мне, так как боялась потерять: наши карточки она уже один раз потеряла), золотые мамины часы, золотое кольцо с камнем и мои часы, у которых порвался ремешок. Получилось так, что во время моего отсутствия студенты перешли из одной аудитории в другую, а мой портфель и сумка остались на моем месте. Когда я об этом узнала и вернулась в аудиторию, то сумки на столе не обнаружила.

Так во второй раз я нарушила приказ, данный мне С.А. Шикановым ещё в Черепанове, когда он унёс мою сумку: *«Никому не оставляйте свою сумку и ни на кого не надейтесь»*. Без карточек мы, к счастью, остались всего на неделю. Нас выручили ребята. Один из них отдал свою карточку, а другой поделился с ним своей. Через несколько дней нам подбросили комсомольские билеты. О пропаже я заявила в «первый отдел». Дальнейшее развитие событий было таким. Еду я как-то в трамвае в институт по Садовой улице. Недалеко от меня стоит студентка ЛИТМО - хорошо одетая, красивая девушка. Я смотрю на неё и думаю: *«Ведь никому в голову не придет, что она воровала студенческие почтовые денежные переводы и извещения на посылки и умудрялась их получать»*. Об этом знали в «первом отделе», но

дело замяли. В этот момент девушка поднимает руку, чтобы взяться за поручень, и на её руке блестит моё кольцо. Подъезжаем к остановке, на которой нам нужно выходить. Под моим пристальным взглядом девушка опускает руку и снимает с пальца кольцо. Проехав нужную остановку, мы выходим на следующей, и, подойдя к девушке, я требую отдать мне кольцо. Конечно, она не отдала и вообще отрицала факт его существования.

Я снова пошла в первый «отдел» и всё рассказала. Состоялся суд. В перерыве между заседаниями адвокат уговаривал нас не губить девушку своими показаниями, но слова нам с Верой практически не дали. На мой вопрос, где моя сумка, обвиняемая нахально ответила, что это барахло она выбросила, а кольцо выронила в трамвае, когда снимала с пальца. Судья явно был подкуплен, у нас обвинителя не было. Вопрос о пропавших паспортах вообще замяли, хотя кража паспортов в войну была преступлением. Девушке дали один год условно и из института исключили.

Учебный процесс

Занятия шли своим чередом. Занимались мы с удовольствием, лекций не пропускали. Зачёты и экзамены в сессии сдавали вовремя. Одно время мы с Верой подрабатывали в библиотеке, разбирая книги. Только очень тоскливо было без мамы, хотя появилась реальная надежда на её возвращение с последней партией литмовцев весной 1945 года. А пока я вела переговоры с управхозом: она мне как великое одолжение обещала дать комнату.

И наконец, это свершилось. Я получила комнату в большой коммунальной квартире, в доме 27, по улице Рылеева, то есть рядом с моим бывшим домом. Вход был со двора. Квартира находилась на третьем этаже, в неё вела узкая и довольно крутая лестница. Квартира запиралась на амбарный замок, ключ от которого жильцы клали под камень у входа. Этажи над нами пострадали во время бомбёжки еще в блокаду, и позже, когда уже приехала мама, их ремонтом занимались немецкие военнопленные.

Но время шло, и наступил день, когда я встретила маму и привела в наш новый дом. Это было в марте или апреле 1945 года. До конца войны

оставалось совсем чуть-чуть. Когда приехала мама, я, конечно, ушла из общежития. Много волнений было с маминой пропиской, но я её уговаривала, что в «большом доме» - такой же беспорядок, как и везде. Так оно и было, и её спокойно прописали. А вот ордер на комнату управхоз нам всё обещала, но не давала. В конце концов, сказала, что дать не может, и нам нужно судиться, чтобы его получить. Идти в суд было очень страшно, особенно учитывая мамино прошлое. Правда, у нас было ходатайство от института с просьбой выдать ордер на комнату. Кроме страха, помню, как мы оформляли какие-то документы в суде на улице Пестеля, а суд состоялся на Измайловском проспекте, наверное, по месту моей прописки в общежитии. К нашему удивлению, дело мы выиграли и ордер получили.

Конец войны

Помню, как мы с мамой первый раз были в филармонии. У меня была очень «модная» обувь – чёрные ботинки от коньков (они сохранились с довоенных времен) из очень хорошей кожи, начищенные до блеска, и на них я заворачивала черные, с цветными полосками толстые шерстяные носки.

С одеждой было сложно. На зимнем пальто, в котором я уехала в эвакуацию, сзади была заплатка, так как в Черепанове я приложилась спиной к раскаленной дверце печки и прожгла в пальто дыру. У мамы не было летнего платья, но в институте ей выдали ордер на отрез материала, так называемой «марлёвки», и она заказала у частной портнихи платье. Но тогда на всё это мы мало обращали внимание. Главное, все мы ждали окончания войны. И вот этот день, которым мы жили долгие четыре года наконец наступил. Рано утром, когда мы ещё спали, раздался звонок в квартиру. Это пришла Ира сообщить, что война закончена. Позже пришла Вера. Да, 9 Мая был Великим праздником, праздником «со слезами на глазах...».

Сессию весной 1945 года я сдала хуже, чем все остальные. Получила даже «посредственные» оценки по деталям машин, за курсовое проектирование и по гидравлике, которую сдавала во время полного солнечного затмения в Ленинграде. Но не оно было причиной неудач. Приезд

мамы, «свой дом» после четырёх лет скитаний по чужим квартирам и общежитиям, окончание войны – всё это будоражило и мешало нормально заниматься. Жизнь постепенно входила в послевоенную колею. Мама преподавала в институте, я училась.

Защита диплома

19 января 1948 года я защитила диплом на кафедре метрологии у Крашенинникова, одного из любимых маминих аспирантов. Мне он тоже очень нравился: и внешностью – он был высоким и худым, - и своей интеллигентностью.

Тема моего диплома – «Точный пантограф для измерения криволинейных поверхностей». Исходные данные проекта – статья в журнале с кратким описанием конструкции и фотографией (очень неразборчивой) прибора. Нужно было разработать конструкцию прибора и произвести расчёт его точности по методу модного тогда академика Бруевича. За дипломную работу я получила отличную оценку.

Вспоминается ещё очень смешная тема курсового проекта «Прибор для измерения атмосферного давления и влажности». Этот прибор величиной со спичечный коробок должен был быть укреплен на спине почтового голубя.

Проект относился к курсу «Детали приборов», который нам читал Лёва Маликов, сын «папы Маликова», известного метролога, автора книги «Метрология». С курсовым проектом я долго мучилась, но справилась. Папа Маликова тоже читал у нас лекции, но его никто, кроме моей подруги и меня, не слушал. Он был уже очень старый, глухой, обычно стоял спиной к аудитории и писал формулы на доске. Звонка он не слышал и, наконец, обернувшись, обнаруживал пустую аудиторию да меня с подругой. Из уважения к нему мы уйти не могли.

Плакат 1945 года, посвященный кафедре метрологии ЛИТМО

Работа

После окончания Института я по распределению попала в ЛФМНИИ-1 (впоследствии ЦНИИЭлектроприбор), в лабораторию точной механики. Институт был создан в 1945 году. Начальником лаборатории был Борис Самуилович Коган. Как выяснилось позже, в школе я два года училась вместе с племянником Бориса Самуиловича - Игорем Коганом. В 10 классе он с нами не учился, так как поступил в военное училище. Во время войны Игорь погиб на фронте.

В лаборатории я проработала 30 лет. За эти годы менялись названия и начальники, но неизменными были директор Грибов Владимир Матвеевич (он умер в 90 лет) и главный инженер Фармаковский Сергей Федорович (он умер в 94 года).

Фармаковский Сергей Федорович – доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой гироскопических и навигационных приборов ЛИТМО. Ленинград, 1980 год. Фото Г.Д. Подколзина

Самыми интересными были первые 10 лет работы. Это был период, как говорят теперь, становления морского приборостроения. Толчком к его развитию послужила немецкая военная техника, попавшая к нам. Проектировались новые приборы, которые требовали новых технологических и метрологических решений. При лаборатории точной механики была создана группа метрологии и руководителем этой группы стала я, совсем зелёный еще инженер.

О книге «Война и блокада»

О ЛИТМО в 1941-1945 годов подробно сказано в книге «Война и блокада» из серии «Университет ИТМО: Годы и люди». Хочу лишь дополнить сказанное упоминанием о наиболее любимых нами преподавателях и перечнем преподавателей кафедры иностранных языков, о которых в книге нет упоминаний. Любимыми преподавателями были профессор И.Н. Богословский, читавший курс высшей математики, старший

преподаватель Константин Константинович Аглинцев, читавший курс физики, декан факультета Владимир Иосифович Кадыков, читавший курс «Сопроотивление материалов».

Плакат 1945 года, посвященный кафедре высшей математики ЛИТМО

Кафедра иностранных языков

Кафедра иностранных языков объединяла преподавателей английского и немецкого. Студенты могли выбрать любой из них. Язык изучался с первого по четвертый курс включительно. Для сдачи экзамена или зачета необходимо было перевести за заданное время определенное количество знаков технического текста, имевшего отношение к выбранной специальности. Английский язык преподавала Ф.П. Рифтина, немецкий - моя мама, Андреева Магда Карловна.

Магда Карловна Андреева. Ленинград, ЛИТМО.
Фото 1960 года

Во время демонстрации с колонной ЛИТМО: М.К. Андреевна (справа) и заведующая кафедрой иностранных языков ЛИТМО Елизавета Лисихина. Ленинград. 1954 год

Магда Карловна была зачислена в ЛИТМО в ноябре 1934 года ассистентом кафедры иностранных языков, в феврале 1938 года - утверждена в штате института старшим преподавателем по курсу иностранных языков. В июле 1962 года - освобождена от работы в связи с уходом на пенсию.

В заключение хочу сказать, что, так или иначе, вся моя сознательная жизнь была связана с ЛИТМО.

Мой муж, Клямкин Казимир Ефимович, закончил четыре курса ЛИТМО в 1941 году, моя дочь закончила ЛИТМО в 1981 году, мой зять – в 1973 году, свекровь моей дочери и ее брат были в эвакуации в Черепанове и закончили институт в 1948 и в 1944 годах соответственно.

Материалы статьи были переданы в научно-образовательный центр «Музей истории Университета ИТМО» дочерью И.Н. Андреевой в 2015 году.

ИСТОРИЯ В ФОТОГРАФИЯХ

ДВУХ СЕСТЕР – СТУДЕНТОК ЛИТМО В ЭВАКУАЦИИ

(по документам, письмам и фотографиям из семейного архива

Ольги и Софии Хухровых)

Фотография на студенческий билет ЛИТМО Софии Хухровой, 1939 год

ГУУЗ НКВ-СССР

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ИНСТИТУТ ТОЧНОЙ МЕХАНИКИ И ОПТИКИ

Ленинград, 31, Демидов пер., 10. Для телегр.: „ЛЕНТОЧМЕХ“ Телефоны: 5-95-14, 5-79-82.

2064

Н/В. № _____ от „ _____ ” 194 г. Н/исх. № *Ф-9* от *13* Марта 194 г.

С П Р А В К А .

Дана *Студенту* Ленинградского Института Точной
Механики и Оптики тов. *Хухровой С.С.* в том, что он дей-
ствительно эвакуируется с Институтом из г. Ленинграда с
семья: Хухрова О.Ф.

в г.р. *Июль-Ола.*

ДИРЕКТОР ИНСТИТУТА *ЭК* С.А. Шаканов.

Справка об эвакуации сестер Хухровых Софии и Ольги из Ленинграда
вместе с ЛИТМО. 1942 год

Удостоверение о работе Софии Хухровой в Кисловодске. 1942 год

На пути в эвакуацию студентки ЛИТМО стали сельхозработницами колхоза «Большевик» хутора Этока (Пятигорск).

Сидят (слева направо): Хухрова Соня, Хухрова Оля. 2 марта 1943 года

Задание на курсовую работу № 15

Группа 61А Рабочий студент Хухрова
Дата выдачи 5-III-43.

Тема II

Структуровать заданную машину, указать пути практической работы, на основании этих данных.

- 1) мощность электродвигателя - 26 кВт
- 2) число зуб. пар - 1500¹/_{мин}
- 3) число зуб. ведомого вала - 50¹/_{мин}
- 4) передаточное отношение валов I и II - 4,4.

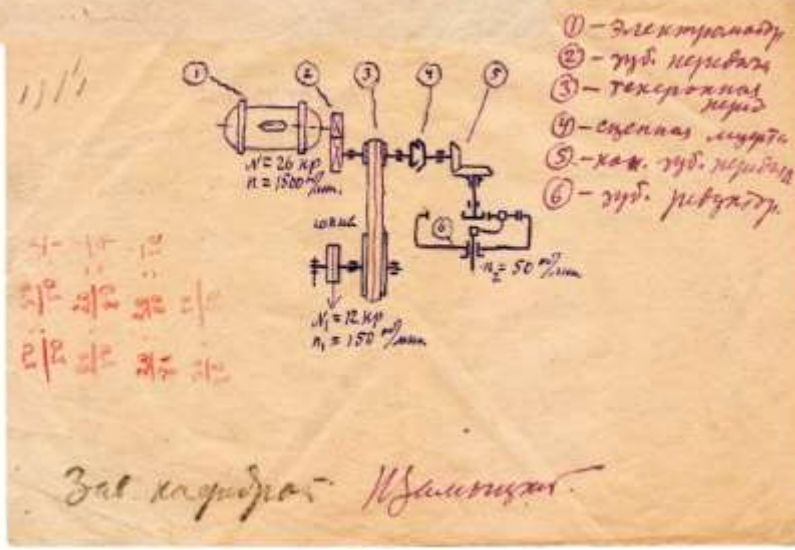
Формы зубчатых колес.

- 1) Реверсор типа промежуточный
- 2) Передаточная и средняя скорости передачи
- 3) Свободная муфта типа слайд
- 4) Ведущий вал - черта (с габаритными размерами)

Сроки сдачи работ третью

1^я мес - 31 декабря | 3^я мес - 28 января
2^я мес - 14 января | 4^я мес - 4 февраля

показаны са-
мом, поезда
мил, работ-
ка и т.д.
в програм-
мации и
заменил:
какие уро-
вадения кур-
сирования
машин
и др. дано-

Задание, которое Хухрова Соня, будучи студенткой ЛИТМО в городе Черпаново, получила от заведующего кафедрой деталей машин профессора Николая Николаевича Замыцкого

*Профессор Николай Николаевич Замыцкий.
Фото из альбома выпускника ЛИТМО 1934 года В. Вознякова*

*Треугольник с адресом – письмо в блокадный Ленинград папе
Хухрову Федору Васильевичу от дочери Софии из Черепаново. 1943 год*

Письмо от родственников из Москвы в Черепаново

Личная книжка Софии Хухровой – участника восстановительных работ в Ленинграде в 1945 году

Диплом Софии Хухровой. 1947 год

Президиум торжественного собрания, посвященного первому послевоенному выпуску инженеров ЛИТМО: (справа налево) 1-ый ряд: главный инженер производственных мастерских ЛИТМО Василий Павлович Дедюлин, заведующий кафедрой металловедения профессор Борис Федорович Лапцин, заведующий кафедрой гироскопических приборов профессор Константин Сергеевич Ухов, директор ЛИТМО Сергей Александрович Шиканов, заведующий кафедрой счетно-решающих приборов профессор Сергей Артурович Изенбек, профессор Михаил Михайлович Русинов, профессор кафедры общей физики Марк Леонидович Вейнгер. Ленинград, Демидов переулок, дом 10. Февраль 1945 года

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ ПРОФЕССОРА ЛИТМО

*(по материалам личного дела сотрудника ЛИТМО –
Лаврентия Павловича Шишелова)*

Начало второй отечественной войны застало меня в Ленинграде, где я продолжал мою регулярную работу в ЛИТМО.

Лаврентий Павлович Шишелов. Ленинград, ЛИТМО. 1940 год.

27 ноября 1941 года моя жена Н.Я. Шишелова была убита снарядом на улице Дзержинского в Ленинграде, после чего я получил тяжелое нервное заболевание, сковавшее мои силы. Я лежал в постели почти до начала эвакуации института 14 марта 1942 года и выехал одновременно с институтом.

На Ладожском озере силы окончательно оставили моего старшего сына Георгия, и я был вынужден оставить его на попечение Санитарного пункта в Лаврове на берегу Ладожского озера. С этого момента я больше о нем, не смотря на все старания, ничего узнать не мог.

С моим младшим сыном Владимиром я прибыл 6 апреля 1942 года в Кисловодск и жил сначала в больнице, затем - в общежитии на Краснофлотской улице, а потом - на частной квартире. Я не имел возможности покупать себе много продуктов питания, т.к. средства мои

приходили к концу. Я с трудом перебивался с деньгами, брал небольшие частные работы, чинил электронагревательные приборы и продавал носильные вещи.

Перед приходом немцев мне было предложено идти пешком с сотрудниками института и взять с собой минимум оставшихся вещей. Этого выполнить я не мог из-за больных ног, так как я с трудом ходил, и-то только с палкой. И там мне пришлось волей-неволей остаться в Кисловодске

Лаврентий Шишелов, 1957 год

ПОЧЕМУ Я СТАЛ ПРИБОРОСТРОИТЕЛЕМ

Много лет я был убеждённым электриком. С чисто юношеским пылом я интересовался машинами и аппаратами. Но больше всего меня интересовали электро-измерительные приборы, ибо они одни могли дать ответ на волновавшие меня вопросы о сдвиге фаз, распределении напряжений и прочее.

При ближайшем знакомстве с областью электрических приборов я увидел, что электрические приборы вовсе не должны непрерывно показывать вольты, амперы или омы и еще что-нибудь в этом роде. Иногда эти приборы показывают и совсем иные вещи, например, узлы скорости корабля, морские мили, температуру воздуха и многое другое, ничего общего с электроникой не имеющее. В особенности я заинтересовался электрическими часами, которые, используя в основном чисто механический принцип, отличаются необыкновенной точностью исключительно благодаря применению электрического тока. Тут я со всей очевидностью заметил, что зашел уже очень далеко в сторону от электротехники. Но ничего не поделаешь, и мне для лучшего понимания секретов электрических часов пришлось познакомиться и с обыкновенными механическими часами.

Трагическая гибель «Титаника» в 1912 году, наскочившего на плавучую ледяную гору, дала моим мыслям несколько иное направление, заставила меня заинтересоваться вопросами кораблевождения, заставила подумать о «шестом чувстве» корабля в отношении приближающейся

опасности и поработать в этом направлении с теми скромными средствами, которые были в моем распоряжении.

Незаметно для самого себя я становился приборостроителем. Все больше интересовался механикой, физикой и различными смежными дисциплинами, которые расширяя мой кругозор, подводили вплотную к измерительной части - квинтэссенции и мозгу многих отраслей человеческих знаний.

Профессор Лаврентий Павлович Шишелов, заведующий кафедрами приборов точной механики и навигационных приборов ЛИТМО с 19 по 1942 год.

Фотография из альбома выпускника 1934 года В. Вознякова

Многие думают, что приборостроение и, в частности измерительные приборы, вне зависимости от принципа их действия и области применения, - сухая и неинтересная область, не представляющая для молодого советского инженера ничего привлекательного.

Это - глубокое заблуждение, ибо даже в самых узких областях приборостроения ... можно наблюдать такое разнообразие физических явлений, положенных в основу устройства и работы приборов, такое разнообразие видов, применимых для изготовления приборов материалов, методов их обработки и контроля, каких не существует ни в одной, даже самой развитой области среднего и крупного машиностроения.

Пусть, наконец, прибор построен и собран. Вправе ли он уже называться измерительным прибором или нет?

Нет! Для того чтобы он имел право носить это название, ему нужно пройти еще долгий путь регулировки, балансировки, градуировки и проверки, которая одна только скажет, выдержал ли он свой «выпускной экзамен» и стал ли действительно измерительным прибором, который хотел из него получить конструктор-производственник.

Путь, пройденный мною за мою 32-летнюю деятельность в области приборостроения, был долог и тернист, ибо я не имел возможности поступить непосредственно в приборостроительный вуз, так как такового не существовало. Теперь же, картина резко изменилась, и молодым кадрам предоставляется полная возможность посвятить себя приборостроению, этому крайне интересному делу, в Институте точной механики и оптики.

Наша приборостроительная промышленность сильно нуждается в молодых специалистах по измерительным приборам, приборам теплосилового контроля, счетно-решающим приборам, гироскопическим приборам и приборам из самых разнообразных областей человеческих знаний.

Л.П. Шишелов, профессор

Опубликовано в газете «Приборостроитель» от 28 мая 1940 года

ПОСТУПЛЕНИЕ В ИНСТИТУТ И ВОЗВРАЩЕНИЕ В ЛЕНИНГРАД

Процедура моего приема в студенты Ленинградского института точной механики и оптики была короткой. Заместитель директора института, взглянув на мой аттестат, произнес: «Вы приняты, идите на занятия». Это было 18 ноября 1943 года в городе Черепаново. Вступительных экзаменов в учебные заведения в военную пору не было.

В. Н. ЧЕРНИКОВСКИЙ — зам. директора Ц. М. И. Оп. М.

НАШИ КАФЕДРЫ И ЛАБОРАТОРИИ

Для своей педагогической и научно-исследовательской деятельности наши кафедры располагают лабораториями и кабинетами, богатыми техническими средствами, приборами, установками, инструментами, наглядными учебными пособиями и прочими материалами. Все оборудование лабораторий и кабинетов закурено в Ленинграде вместе с основной частью учебно-методической библиотечки института и ритмично в специальном лабораторном корпусе в гор. Черепаново.

Кафедра физики

В своей творческой и производственной работе неограниченности во приобретении широко использует достижения современной физики, позволяющие экспериментально определять физические величины с высокой точностью. Ученые кафедры работают в Институте студенты слушают лекции по основам курса физики и деют свои собственные физические ла-

бораторные работы. Физическая лаборатория является одной из первых в колледже высшей школы. Ее оборудование состоит из большого числа измерительных установок, на которых студенты изучают основные законы физики, а также выполняют лабораторные работы. На старших курсах вы-

Кафедра точной механики

Кафедра точной механики включает в себя профессорскую кафедру физико-технической механики. Взаимодействуя с другими кафедрами института (высокоскоростная механика, авиационная и метрологическая), кафедра выполняет работы, связанные с проблемами точности, усовершенствования и стандартизации механизмов.

А. Н. ЗАХАРЬЕВСКИЙ — зам. проф. оптико-мех. приборостр. кафедр физико-техн. науки, профессор.

Проглашение всех стран, союзных и не союзных.

ЛИСТОВКА

Ленинградского Института Точной Механики и Оптике, посвященная новому набору в Институт
ГОР. ЧЕРЕПАНОВО НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛ. 25 ИЮЛЯ 1943 ГОДА.

ПРОФИЛЬ ИНСТИТУТА

Успехи нашей доблестной Красной Армии, Воздушной и Морской Флотии в военных битвах Отечественной войны казались арсеналом триумфов, казало огромное значение и почет окончание войны, разгромившей врага. От состояния совершенства в отношении вооружения и боевой техники зависела победа и сила волевого духа народа, а следовательно и боевая мощь вооружения нашей страны.

Для выполнения стоявших перед нами задач Институт располагает крупнейшими научными силами и богатыми лабораториями, созданными за предшествующий период деятельности Института. Об успешной работе Института свидетельствуют его успехи, отмеченные рядом орденов и наград в различных областях науки и техники. Институт является одним из крупнейших научно-исследовательских учреждений в нашей стране.

Учебный план так широк, чтобы окончивший институт мог выбрать себе специальность в соответствии со своими склонностями и способностями. В течение первых двух курсов изучаются основы физики, математики, механики, оптики, электротехники, химии, технологии приборостроения и материаловедения. В последние два курса студенты изучают специальные курсы по своим специальностям.

Институт располагает обширной библиотекой, включающей в себя все необходимое для изучения науки и техники. Библиотека имеет отделы по различным специальностям и занимается пополнением своих фондов. Институт имеет также отделы по различным специальностям и занимается пополнением своих фондов.

Институт имеет также отделы по различным специальностям и занимается пополнением своих фондов. Институт имеет также отделы по различным специальностям и занимается пополнением своих фондов.

Институт имеет также отделы по различным специальностям и занимается пополнением своих фондов. Институт имеет также отделы по различным специальностям и занимается пополнением своих фондов.

Профессорско-преподавательский состав

Несмотря на пережитые трудности Ленинграда, он в условиях эвакуации в городе Черепаново сохранил свой основной состав профессорско-преподавательского состава. В состав профессуры Института входят ряд известных ученых нашей страны. Так, например, среди руководителей наших физико-технических кафедр находятся: профессор — доктор технических наук Б. Ф. Лавинский, профессор — доктор технических наук В. К. Андрищев, профессор Н. Н. Замыцкий, профессор — доктор технических наук, заслуженный деятель науки и техники В. Н. Цибель.

Кафедру приборостроения возглавляет известный своими научными трудами профессор — доктор технических наук Г. К. Кондратьев; кафедрой оптико-механических приборов руководит профессор — доктор технических наук А. Н. Захарьевский.

УЧЕНИКИ

Институт имеет обширный набор студентов, обучающихся по различным специальностям. В числе студентов Института много талантливых и способных молодых людей, которые в будущем будут играть важную роль в развитии нашей науки и техники.

Кафедру приборостроения возглавляет известный своими научными трудами профессор — доктор технических наук Г. К. Кондратьев; кафедрой оптико-механических приборов руководит профессор — доктор технических наук А. Н. Захарьевский.

Кафедру приборостроения возглавляет известный своими научными трудами профессор — доктор технических наук Г. К. Кондратьев; кафедрой оптико-механических приборов руководит профессор — доктор технических наук А. Н. Захарьевский.

Кафедру приборостроения возглавляет известный своими научными трудами профессор — доктор технических наук Г. К. Кондратьев; кафедрой оптико-механических приборов руководит профессор — доктор технических наук А. Н. Захарьевский.

Институт имеет также отделы по различным специальностям и занимается пополнением своих фондов.

Институт имеет также отделы по различным специальностям и занимается пополнением своих фондов.

Институт имеет также отделы по различным специальностям и занимается пополнением своих фондов.

Институт имеет также отделы по различным специальностям и занимается пополнением своих фондов.

Институт имеет также отделы по различным специальностям и занимается пополнением своих фондов.

Институт имеет также отделы по различным специальностям и занимается пополнением своих фондов.

Институт имеет также отделы по различным специальностям и занимается пополнением своих фондов.

Институт имеет также отделы по различным специальностям и занимается пополнением своих фондов.

Институт имеет также отделы по различным специальностям и занимается пополнением своих фондов.

Шеринет Георгий
Студент IV курса, кандидат физико-математических наук, занимается научными работами в области оптико-механических приборов.

Порохова Татьяна
Таня Порохова является одной из лучших студенток Института. Сейчас она занимается на IV курсе. Во время учебного года она без прерывания работает в лаборатории при институте курсовых работ и во время каникул занимается научными работами.

Шеринет Георгий
Студент IV курса, кандидат физико-математических наук, занимается научными работами в области оптико-механических приборов.

Порохова Татьяна
Таня Порохова является одной из лучших студенток Института. Сейчас она занимается на IV курсе. Во время учебного года она без прерывания работает в лаборатории при институте курсовых работ и во время каникул занимается научными работами.

Шеринет Георгий
Студент IV курса, кандидат физико-математических наук, занимается научными работами в области оптико-механических приборов.

Порохова Татьяна
Таня Порохова является одной из лучших студенток Института. Сейчас она занимается на IV курсе. Во время учебного года она без прерывания работает в лаборатории при институте курсовых работ и во время каникул занимается научными работами.

Шеринет Георгий
Студент IV курса, кандидат физико-математических наук, занимается научными работами в области оптико-механических приборов.

Первый курс

Я ходил на лекции и ничего не понимал. Занятия шли уже больше двух месяцев, то есть прошла половина семестра, видимо, сказывался недостаток моей школьной подготовки. Я, естественно, старался догнать, спать ложился в 3 часа ночи, но помогало это мало. Особенно тяжело мне поначалу давалась математика с ее фундаментальными понятиями пределов и бесконечно малых величин. Ее читал профессор **И.П. Богословский**, очень педантичный и строгий человек. Как-то на одном из семинаров он сказал, что мне трудно будет постигать математическую науку, потому что у меня «разбросанный ум». И, между прочим, был прав, что говорит о его высокой квалификации как педагога.

С физикой, которой нас учил профессор Константин Константинович Аглинцев, живой и немного экстравагантный человек, мне было куда проще. Практические занятия по этому предмету у нас вел доцент Б.А. Мещерский. Говорили, что он сын автора известного задачника по теоретической механике, по которому училось много поколений студентов.

*Доцент кафедры физики Борис Арсеньевич Мещерский. ЛИТМО.
Фото 1940 года*

Основы марксизма-ленинизма, в то время уже предмета обязательного с первого курса, нам преподавал исполняющий обязанности заведующего

кафедрой Марксизма-ленинизма доцент Александр Васильевич Дивеев. Из его занятий я мало что узнал о марксизме, но на всю жизнь запомнил формулу английского философа епископа Беркли о том, что «мир есть комплекс моих ощущений», и замечание, тоже английского философа - Юма, которое гласит, что «трудно говорить о себе, не впадая в тщеславие».

Профессор Борис Федорович Лапшин

Профессор Б.Ф. Лапшин, металлург, систематических лекций у нас на первом курсе не читал, но какие-то занятия вел. На одном из них он меня спросил о моем отношении к Николаю Николаевичу Приемскому. Я сказал, что я его внук, а профессор в ответ сообщил мне, что он студентом в 1904 году был у него на практике в Сормово. Хорошо, что на этот разговор никто не обратил внимания и последствий он не имел.

Мои усиленные занятия принесли свои плоды, и мне удалось перейти на тот уровень, когда начинаешь понимать то, что читаешь в книге или слушаешь на лекции. Я неплохо сдал экзамены за первый курс, утвердился в звании студента и не только не потерял в учебе из-за войны, а, наоборот, что-то сэкономил за счет окончания школы экстерна.

Весной 1944 года была объявлена добровольная вербовка в студенческие отряды по восстановлению Ленинграда. Я, естественно, туда немедленно записался. Мы выехали сразу же после сессии. Воспоминания

приводят меня в вагон «пятьсот веселого» поезда. Так в те времена назывались пассажирские эшелоны, ходившие без расписания по заданному маршруту. Номер этого поезда начинался с цифры 500, например, 511 или 528. Поскольку он шел неопределенное время, подолгу задерживаясь на отдельных станциях, то в процессе поездки образовывались компании людей, объединенных бездельем и необходимостью как-то заполнить свой досуг. Отсюда и произошло устойчивое название «пятьсот веселые» поезда, которые сыграли большую роль в жизни людей, возвращающихся из эвакуации.

Мы ехали из Новосибирска в Ленинград 13 дней, не так уж много по тем временам, всего раза в два с небольшим дольше, чем на скором поезде после войны. В вагоне я обитал на третьей полке. Купе тогда еще не были разделены сверху вглухую, между третьими полками существовал только небольшой буртик. Поэтому на верхней полке, как и на нижней, собирались свои компании, и никто не пребывал в одиночестве. Надо сказать, что, не смотря на неопределенность срока в следовании поездов по маршруту, порядок по прибытии их на очередную станцию был обеспечен. Нас ждал обед в виде тарелок с густым борщом, расставленных на длинных столах прямо на перроне, на станции был кипяток и рядом базар. Можно было даже помыться в пункте дезинфекции - стоянки были длинными. Главное, что поезд отправляли после одного, двух, затем трех ударов колокола, слышных на всю округу, и длинного гудка паровоза. Так что времени прибежать к вагону было достаточно.

Поезд тогда шел в Ленинград с восточного направления к станции Бологое и поворачивал к северу по недавно восстановленной Октябрьской железной дороге. Весь железнодорожный путь до Ленинграда включительно шел по совершенно черной, выжженной земле. Все станционные строения были разворочены, а металлические сооружения, типа мачт для освещения путей, пробиты много, численными осколками и причудливо загнуты к земле. На меня, уже видевшего войну и разрушения своими глазами, эта

картина произвела тогда неизгладимое впечатление. Наши представления об Отечественной войне сейчас очень примитивны. Они больше основаны на фильмах и художественных образах, которые, как правило, вторичны от кинохроники и рассказов различной достоверности...

Наш поезд прибыл на Московский вокзал, и я, взгромоздив чемодан на плечо, пошел домой, на улицу Каляева, дом 16. Я шел по пустому Ленинграду днем. Люди почти не встречались. Практически все стекла в домах были выбиты и заделаны по-разному, так что выглядели грязными заплатками разных цветов и оттенков. Повсюду на стенах виднелись дыры от снарядов и поминутно встречались полностью или частично разрушенные дома. Сейчас такой Ленинград мало кто помнит, хотя людей, утверждающих, что они здесь тогда были, предостаточно.

Когда я пришел к себе на шестой этаж в квартиру № 10, входная дверь была открыта, и я прошел в наши комнаты из большой прихожей. Все было так же, все стояло на прежних местах, и даже можно было затопить нашу блокадную печку, если бы и так не было тепло. В квартире из всех жильцов осталась только Катя Слесарева, которая никуда не уезжала. Я заставил ее мыть вместе со мной пол.

Доктор технических наук, профессор Дмитрий Григорьевич Приемский.

Так просто состоялось мое возвращение в Ленинград летом 1944 года после довольно насыщенных событиями двух лет моей жизни.

Круг замкнулся.

Я уже говорил, что возрождение института в Сибири происходило с помощью местных сил, освободивших помещение для горстки людей, поодиночке собравшихся в одном, указанном кем-то месте. Институт же, как таковой, как единое учреждение в Черепаново не переводили.

По-моему, нечто аналогичное произошло и в Ленинграде. Мы, бригада студентов-рабочих, пришли в здание заваленное столами, стульями, шкапами и старым лабораторным оборудованием, но практически без людей. Весь институт тогда помешался в одном доме с двором за высоким забором, выходящим за улицу Плеханова. Все трубы отопления и водопровода лопнули в нем еще зимой 1941 года. Это произошло во многих домах, где вода из труб не была спущена своевременно. Труд по ремонту системы отопления здания был тяжелый и нормы очень жесткие. Лимитов на обязательную зарплату не существовало, поэтому в получку, если в делах что-то не ладилось, могли ничего не заплатить, весь заработок ограничивался раньше выданным авансом.

Мемориальная доска, размещенная во дворе здания ИТМО по переулку Гривцова и Казанской улицы (до 1991 года – улицы Плеханова)

Институт заработал нормальным порядком, а мы, студенты-водопроводчики, еще не кончили восстанавливать отопление. После включения горячей воды, что было, конечно, большим событием, началось устранение протечек и прорывов. В памяти осталось, как залило лабораторию часов, где сохранились уникальные экземпляры этих

механизмов. Преподаватели кафедры бегали в панике, мы же, сознавая важность момента, действовали неторопливо и обстоятельно.

... Где-то в начале декабря 1944 года я отдал себе палец упавшей батареей и, получив бюллетень, впервые с осени мог передохнуть. Никто с нами о продолжении учебы не заговаривал, и мне было ясно, что нужно самому принимать какие-то меры. Во всех жизненных ситуациях есть предел, дальше которого тянуть с решениями больше нельзя. В тот раз я вместо работы пошел на лекции в свою группу и на работу не вернулся. Никто моему появлению на занятиях не удивился. Студент Женя Сальман, с которым мы вместе работали и очень сдружились, следуя моему примеру, тоже возвратился на занятия, и ему это сошло с рук, как и мне. Наверное, время пришло, и наш возврат к учебе начальством ожидался.

Так незаметно закончилась моя работа водопроводчиком. Она не отмечена в моих анкетах, поскольку была вроде бы по совместительству со званием студента, но сыграла немалую роль в моей жизни. Она дала мне возможность раньше других вернуться в Ленинград и умножила мои практические навыки по обращению с металлом.

Сдавать зачеты и экзамены за третий семестр, когда мы не учились, а работали, чтобы не отстать на год, Женю уговорил я - со своей склонностью ловить ускользающие шансы, в деканате нам это разрешили, все-таки мы отстали не по своей вине, а восстанавливая здание института.

Как только разрешение было получено, организацию дальнейшего процесса учебы и сдачи экзаменов взял на себя Женя. ... Занимались мы день и ночь в буквальном смысле, почти не спали, но сдали все, что требовалось за третий семестр, и продолжили учебу на втором курсе уже нормальным образом.

Между тем, уже на рубеже 1944-1945 годов институт начал заполняться новыми студентами, прибывающими с фронта. Рассказывали, что вышел приказ Верховного Главнокомандующего, по которому всех военнослужащих, которые до войны были студентами не ниже третьего

курса, надлежало вернуть из армии в институты для продолжения учебы. Они появлялись обычно в военной форме с нашивками ранений и орденами.

Никак не могу вспомнить, откуда и как, будучи дома, я ночью узнал о том, что война окончилась. Осталось в памяти, как мы приплясывали и пели посреди улицы, а потом всей компанией пешком отправились в институт, куда стихийно собирались студенты, несмотря на раннее утро. Сейчас, конечно, бесполезно пытаться передать современникам чувства торжества Победы, которые охватили тогда нас всех вместе, независимо от возраста и положения.

Это был действительно Великий День, оставшийся у нас в памяти на всю жизнь. Термины «до войны», «во время войны» и «после войны» на десятилетия вошли в речевой обиход людей военного поколения.

Общий тон жизни сразу стал каким-то другим. Уверенность, что теперь, после Победы, все дела пойдут хорошо, была всеобщей.

Опубликовано в книге Д.Г. Приемского «Воспоминания из жизни инженера».

– Саров: РФЯЦ-НИИЭ. – 339 с.

*Фотография первого выпуска инженеров факультета
Электроприборостроения ЛИТМО, 1949 год*

В ПОДВЕШЕННОМ СОСТОЯНИИ:

история Галины Семеновны Кисельгоф, студентки ЛИТМО военных лет

У каждого человека - индивидуальное восприятие происходящих событий, своя оценка увиденного и пережитого и особая судьба. Из воспоминаний отдельных людей, очевидцев тех страшных событий по крупицам выстраиваются картины уже далекого прошлого.

Галина Семеновна родилась в 1927 году в Ленинграде.

В июне 1941 года она закончила семь классов и в сентябре поступила в Ленинградский энергетический техникум. Через месяц в здание техникума попала бомба, и занятия прекратились. Город в это время уже оказался в блокадном кольце.

В феврале 1942 года Галина вступила в комсомол, в это время она уже систематически участвовала в работе санитарных бригад, которые ходили по домам, квартирам, помогали всем, кто нуждался. Подбирали еще живых маленьких детишек, в одночасье ставших сиротами и лежащих рядом с умершими от голода матерями.

В марте 1943 года Галина заболела сыпным тифом и была эвакуирована в новосибирскую тифозную больницу по эвакоудостоверению. Когда выздоровела, продолжила свое обучение в школе, экстерном сдала экзамены за три года и, получив аттестат, осенью 1943 года поступила на первый курс ЛИТМО в Черепаново, который в эвакуации открыл прием абитуриентов.

Галина Кисельгоф. Фото на студенческий билет ЛИТМО. 1943 год

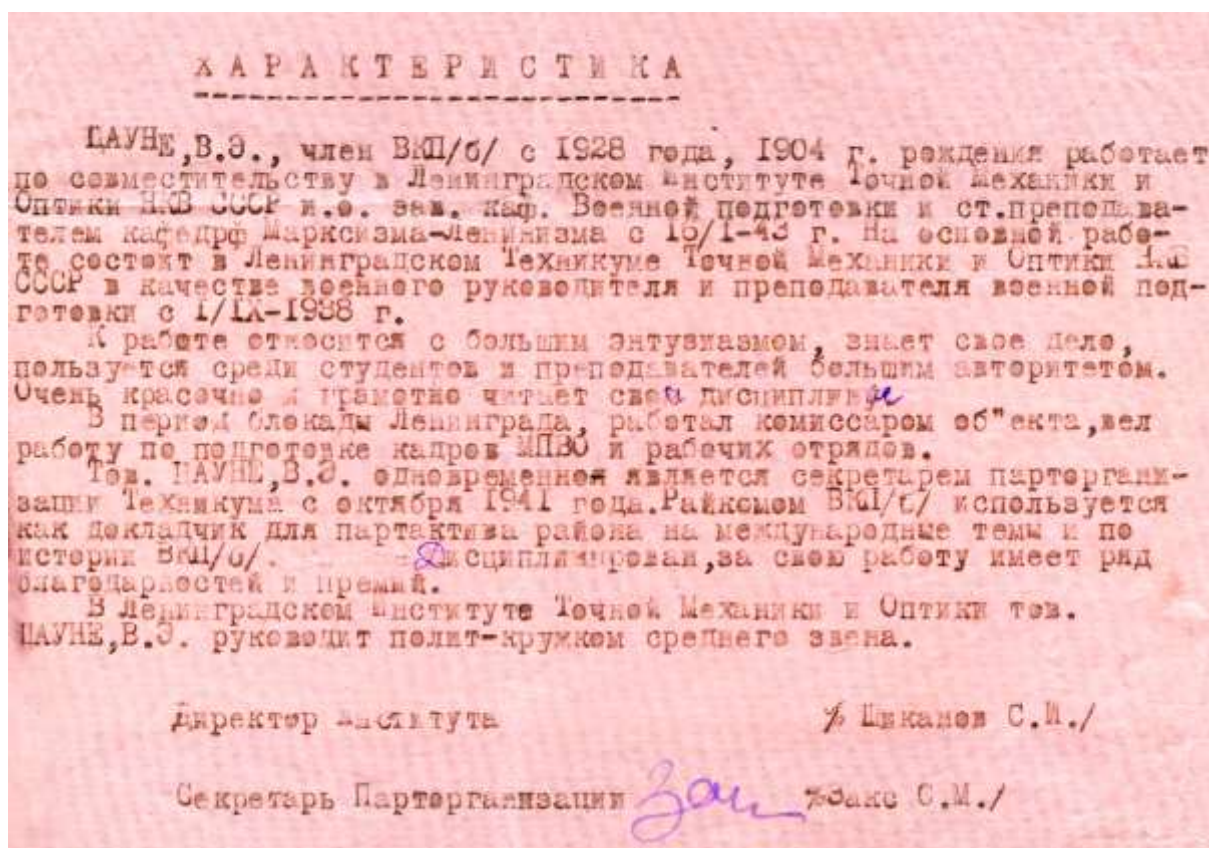
Ее поселили в общежитии. В 25-метровой комнате уже жили 40 девочек. Топчаны стояли вплотную, и первое время эта маленькая, худенькая, почти безволосая (после сыпного тифа) первокурсница спала на столе. Потом втиснули топчан и для нее, а вскоре Галину выбрали старостой комнаты.

Галина Семеновна вспоминает, что учебный процесс был организован очень серьезно, несмотря на непростые условия эвакуации. Отношения между студентами и преподавателями, дававшими знания, были трепетными и доверительными. Галина тепло вспоминает преподавательницу математики, по-матерински относившейся к девочкам.

Потоковые лекции по этому предмету читал профессор Иван Николаевич Богословский; практические занятия по теоретической механике вел педагог **Самсон Абрамович Шифрин**, а лекции читал профессор Б.Ф. Лапшин; физику преподавал заведующий кафедрой физики профессор К.К. Аглинцев. Он с особой теплотой относился к Галине, на занятиях называл её – «моя малышка». Военное дело преподавал В.Э. Цауне.

Заведующий кафедрой военной подготовки ЛИТМО в период эвакуации (1942-1944 годов) Валентин Эдуардович Цауне. Фото 1943 года

Характеристика, выданная Валентину Эдуардовичу Цауне в ЛИТМО.

1943 год. Документ из личного дела сотрудника ЛИТМО.

Георгий Шеремет (тогда студент, исполнявший обязанности проректора по хозяйственной части) периодически выдавал талоны на одежду. Это было большой проблемой, так как при отъезде из Ленинграда почти ничего не удалось захватить. Кроме того, он иногда доставал дополнительные талоны на продукты питания. Галина Семеновна с улыбкой вспоминает то, что он казался первокурсникам почти «небожителем».

Студенты получали небольшую стипендию. Этих денег хватало на то, чтобы купить самые необходимые продукты: хлеб и картошку, - а также оплатить обеды в столовой института. Кое-как жить было можно....

По ночам разбирали заборы на дрова – система была отработана. Наша героиня как староста комнаты по очереди назначала по несколько девочек на поиски дров, ведь надо было чем-то отапливать комнату. Все заборы в городке были разобраны студентами, что, мягко говоря, не нравилось местным жителям.

Галина Кисельгоф. Фото довоенных лет

На станции в Новосибирске был организован пункт реабилитации для истощенных ленинградцев, которых в городе было много. Жители блокадного города в эвакуации были очень сплочены, помогали по возможности друг другу. Любая информация с фронтов и из родного города встречалась с большим интересом, а победы на фронтах – с восторгом.

1943 год стал переломным в ходе Великой Отечественной войны. 27 января 1944 года город на Неве салютовал победу. Враг под Ленинградом был разгромлен, и уже к лету появилась возможность возвращения института в родные стены. Но до этого надо было привести в порядок здание вуза после попадания ряда зажигательных бомб и других снарядов во время постоянных бомбежек города в период блокады.

Большинство из этих работ должны были лечь на плечи студентов. Первое время в Ленинград пропускали лишь тех, у кого в городе жили родные, затем тех, у кого были рабочие специальности: отряды студентов, возвращающихся из эвакуации, оформлялись строительными рабочими.

Весной 1944 город в город на восстановление здания ЛИТМО (Демидов переулок, дом 10) был отправлен первый отряд из десяти человек. Ребята даже не успели сдать сессию. В их числе была и Галина. Ехали долго через Москву, состав пропускал военные эшелоны.

Галина Семеновна вспоминает, что ребята жили в здании института на четвертом этаже, питались по карточкам. Она работала наружным штукатуром. С утра двух человек закрепляли в люльке, загружали материал, необходимый для работы, и лебедкой поднимали вверх. В течение дня люльку несколько раз перемещали по фасаду. Штукатурили различные выбоины, осколочные следы, небольшие разломы и прочие повреждения здания. Так «в подвешенном состоянии» наша героиня провела все лето.

В сентябре преподаватели и остальные студенты возвратился из эвакуации, а уже в октябре начались занятия. Студентов-ремонтников из здания института переселили в общежитие, находящееся на углу Обводного канала и Измайловского проспекта.

Галина училась на втором курсе и сдавала «хвосты», так как уехала из Черепанова, не успев сдать сессию. Стипендии на жизнь не хватало, и она стала донором, хотя ей ещё не было и 18 лет.

Галина сдавала по 0,5 литра крови в месяц, за что получала 750 рублей плюс талоны на 0,5 килограмм макарон, мяса, сахара и сливочного масла. Казалось бы, вполне прилично, но «запасов организма» хватило лишь на год. От истощения начался фурункулез, и с донорством пришлось расстаться.

После окончания учебного года, летом 1945 года группу студентов отправили на Карельский перешеек на заработки. В поселке Гаврилово (Сяйние) находился финский кирпичный завод, который было необходимо восстановить. Студентов посадили за чертежные доски – они чертили эскизы деталей, необходимых для сборки недостающих узлов. Там ребята работали все летние каникулы. Полученных денег хватило на некоторое время учебы.

Стипендии опять не хватало, надо было искать работу и... отчисляться из института. Галине удалось устроиться монтажницей на военный завод. Началась трудовая жизнь. Несколько позже она поступила на заочный факультет Педагогического института. Жизнь сделала резкий поворот, и Галина Семеновна, став педагогом математики в школе, отдала этому делу почти всю свою жизнь – 41 год.

Те знания, которые получила в ЛИТМО за не полных три года, стали фундаментом ее образования. Эти первые годы студенческой жизни оставили очень яркий след в ее жизни, и она всегда рекомендовала своим ученикам поступать только в ЛИТМО!

*Галина Семеновна Кисельгоф в экспозиционном зале Музея истории
Университета ИТМО. 2011 год*

*По материалам статьи, опубликованной в газете
«Университет ИТМО» 2011 год*

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ИНСТИТУТ ХОЛОДИЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ К НАЧАЛУ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В воскресенье, 22 июня 1941 года, студенты и преподаватели института отдыхали: кто дома, а кто в пригороде - на даче или просто на природе. Настроение было летнее, хорошее, а день - ясный, солнечный. Заканчивался учебный год. Студенты первых трех курсов в основном сдали экзамены, большинство студентов 4-го курса проходило производственную практику, а пятикурсники закончили защиту дипломных проектов и, получив звания инженеров, готовились к началу своей трудовой деятельности.

Ничто, казалось, не предвещало в эти дни надвигающихся грозных событий. О войне все услышали из выступления по радио министра иностранных дел СССР Вячеслава Михайловича Молотова. Сообщение о вероломном и внезапном нападении гитлеровской Германии на нашу страну ошеломило всех. Где бы это известие ни застало вузовцев - дома, в студенческом общежитии, за городом или на улице, — они спешили в институт.

Последний предвоенный выпуск Ленинградского института холодильной промышленности 1936-1941 годы

Через короткое время, буквально через несколько часов, многие студенты, преподаватели, рабочие, служащие были в институте. В актовом зале состоялось собрание. Все выступающие с возмущением и гневом клеймили зарвавшихся фашистских агрессоров и клялись решительно бороться с врагом. Многие участники собрания тут же просили отпустить их на фронт. Директор института **Исаак Лазаревич Ришес**, секретарь партийной организации **Петр Федорович Ловиков** успокаивали всех и просили каждого заняться своим непосредственным делом. В тот же день в партийном комитете было проведено совещание партийного, комсомольского, профсоюзного и административного актива, на котором утвердили некоторые сверхсрочные мероприятия на первые дни войны. В частности, в студенческое общежитие на Яковлевской улице был направлен секретарь комитета ВЛКСМ **В.Н. Филаткин**, а в студенческое общежитие на 8-й Советской улице - заместитель секретаря партийного комитета **Е.С. Курылев** для проведения бесед по текущему моменту.

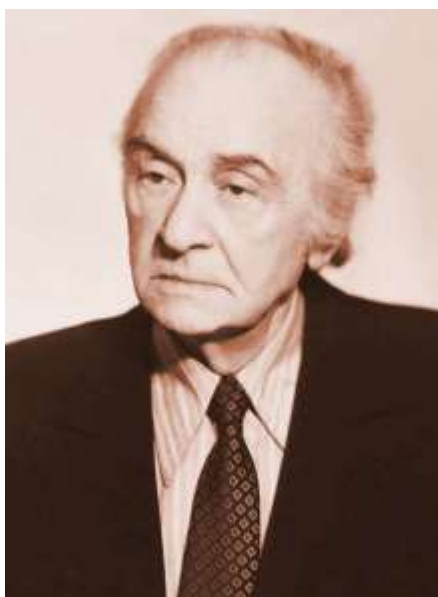
Профессор В.Н. Филаткин. Фото 2000 года

В.Н. Филаткин за три дня до этого защитил дипломный проект.

Буквально в первые дни войны весь уклад жизни и деятельности был переведен на военный лад. Однако и обычные мероприятия проводились. Те студенты, которые должны были защищать дипломы, - их защищали, кто

должен был сдавать экзамены, - их сдавал.

Наряду с этим уже во вторник, 24 июня 1941 г., большая группа студентов была направлена на строительство аэродрома. А 25 июня был сформирован истребительный отряд, основной задачей которого была борьба с диверсантами, парашютистами, лазутчиками. В истребительный отряд вступили: преподаватель — член партийного комитета Владимир Дмитриевич Гудков, студенты - Володя Корниенко, Толя Жарский, Иван Громов, Яша Сороцкий, Сева Михайлов, Валя Янушевский и др. 29 июня был организован отряд, который влился во Фрунзенский добровольческий полк политбойцов. В это формирование вступили комсомольцы: Павел Капланов, Петя Красноштанов, Володя Кротков, Саша Анцелевич, Миша Прасов, Володя Филаткин, Абрам Шмидт, Борис Фридман и др.

Профессор Н.А. Головкин. Фото 2000 года

3 июля 1941 г. началось формирование 3-й Фрунзенской дивизии народного ополчения. В нее вступили: секретарь партийной организации института Петр Федорович Ловиков; доцент **Николай Алексеевич Головкин**; комсомольцы - Эдуард Гуйго, Андрей Вансецкий, Миша Щеряев, Яков Аранович, Сима Давыдов, Павел Шпарбер, Иосиф Букчин, Саша Геращенко, Саша Суровицкий, Миша Красницкий, Володя Андреев, Валентин Скафтымов; Леша Зверев; Кирилл Петров, Володя Шувалов и

многие др.

В здании института разместился штаб 1-го стрелкового полка 3-й дивизии народного ополчения Фрунзенского района. Подвальные помещения были приспособлены под бомбоубежище. Большая группа преподавателей, сотрудников и частично студентов старших курсов из числа командного состава сразу была призвана в ряды Вооруженных сил и принимала участие в боях на различных фронтах Отечественной войны.

Профессор Э. Гуйго. Фото 2000 года

3-я Фрунзенская дивизия народного ополчения уже 15 июля выступила на боевые позиции второй линии обороны Красногвардейского (Гатчинского) укрепленного района (Красное Село 1 Петергоф). 25 июля 2-й и 3-й стрелковые и артиллерийский полки этой дивизии срочно были переброшены в район реки Свирь и г. Олонец, где вели тяжелые бои с войсками противника. 1-й стрелковый полк этой дивизии в составе 41-го корпуса в августе 1941 г. участвовал в боевых действиях на реке Луге.

За день до выхода дивизии на фронт Фрунзенский райком ВКП(б) вручил дивизии Красное знамя. На митинге дивизии вместе с алым стягом секретарь Фрунзенского райкома Петр Андреевич Иванов передал ополченцам наказ трудящихся района: «Никакой пощады фашистской гадине! Ваше соединение будет носить славное имя пролетарского

полководца товарища Фрунзе. Будьте же, как Фрунзе».

В течение июля - августа 1941 г. большая группа студентов и преподавателей выезжала в районы Волосово - Кингисепп, Луга - Толмачево для рытья противотанковых рвов, траншей, строительства дзотов. Среди них были: декан механического факультета Анатолий Георгиевич Ткачев, ассистент кафедры механического оборудования предприятий пищевой промышленности Владимир Иванович Хижняков, аспирант кафедры холодильной технологии Елизавета Федоровна Школьникова, старший лаборант той же кафедры Клавдия Даниловна Маркова, комендант учебного здания Василий Петрович Кузнецов, лаборант кафедры холодильных установок Борис Иванович Николаев. Эта работа проводилась в условиях, близких к фронтовым, под обстрелами и бомбежками противника. В августе группа студентов и сотрудников в районе станции Веймерн чуть было не попала в окружение и с большим трудом выбралась оттуда лесами через Молосковицы, Волосово и Кикерино.

Юноши-студенты, которые продолжали учебу в институте, проходили военную подготовку, получали навыки владения стрелковым оружием, изучали элементы тактики и ведения ближнего боя. Для девушек-студенток были организованы курсы по подготовке медицинских сестер и санитарок. После прохождения обучения они служили в различных военных и военизированных формированиях, в госпиталях и больницах Ленинграда, а некоторые из них добровольно пошли в действующую армию. Многие студенты находились в формированиях МПВО института и были переведены на казарменное положение. По заданию Фрунзенского райкома ВЛКСМ студенты помогали райвоенкомату разносить повестки о явке военнообязанных на мобилизационные пункты района. Многие студенты под руководством члена комитета ВЛКСМ института Клавдии Даниловны Марковой состояли в бытовых отрядах, оказывали помощь семьям фронтовиков, больным.

Профессор **Илья Исаакович Левин**, доцент Лев Маркович

Розенфельд, ассистент **Николай Николаевич Кошкин** разрабатывали оборонную продукцию из простых и доступных материалов, здесь также проводились испытания искусственного горючего для работы танковых двигателей при низких температурах. Метод ферментации целлюлозы плесневыми грибами для добавок в пищевые продукты разработали специалисты кафедры микробиологии под руководством доцента Николая Владимировича Новотельного. Сотрудники кафедры механического оборудования пищевых производств доцент Николай Алексеевич Головкин, ассистенты Борис Федорович Новицкий и Владимир Иванович Хижняков сконструировали сушило для ускоренного производства сухарей для фронта. В лаборатории холодильных шкафов был создан изотермический контейнер для перевозки консервированной крови и ее хранения во фронтовых условиях. Профессор Илья Исаакович Левин и ассистент Александр Петрович Добровольский спроектировали холодильную установку для испытания образцов вооружения и боеприпасов, а Владимир Васильевич Лутковский успешно решил ряд задач, возникших при испытании образцов новой техники при низких температурах.

Доцент кафедры химии Екатерина Петровна Данини совместно с профессорами **Семеном Васильевичем Парашуком** и Петром Георгиевичем Романковым разработали технологию получения соевого молока и шрота для детей и раненых бойцов.

Профессор С.В. Парашук. Фото 1995 года

ПЕРИОД ЭВАКУАЦИИ

В марте 1942 года институт был эвакуирован сначала в город Кисловодск, а затем в город Семипалатинск, где располагался и работал до июля 1944 года. Несмотря на нехватку учебных и жилых помещений, недостаток топлива, учебников, лабораторного оборудования и даже обычной бумаги, учебный процесс продолжался. Вуз решал обычную задачу - готовил кадры для народного хозяйства.

В Ленинграде оставалась небольшая группа сотрудников института во главе с заместителем директора **Юрием Николаевичем Ловягиным**. В эту группу входили заведующая библиотекой Евдокия Ивановна Скобликова и начальник отдела снабжения Натан Максимович Вейц. Перед ними была поставлена задача сохранить здание, фонды библиотеки и другие материальные ценности, которые не удалось вывезти. Преодолевая невероятные трудности блокадного времени, они выполняли порученное им дело. Юрий Николаевич, Евдокия Ивановна и Натан Максимович поддерживали связь с основным эвакуированным коллективом в г. Семипалатинске и с некоторыми сотрудниками и студентами института, воевавшими на фронтах Великой Отечественной войны.

Студент В.Н. Базовский храбро воевал на разных фронтах. После демобилизации он возвратился в институт и продолжил учебу, был избран секретарем партийной организации института. В 1947 г. В.Н. Базовский успешно окончил институт и с тех пор находился на партийной и государственной работе: был секретарем Фрунзенского РК КПСС, заведующим отделом Ленинградского ГК КПСС, инспектором ЦК КПСС, первым секретарем Новгородского ОК КПСС, чрезвычайным и полномочным послом СССР сначала в Болгарии, а затем в Венгрии, заместителем заведующего отделом руководящих кадров ЦК КПСС, начальником главного государственного управления таможенного контроля при Совмине СССР.

На многих фронтах войны Запада и Востока прошел боевой ратный путь, имел тяжелое ранение бывший секретарь комсомольской организации

института В.Н. Филаткин, впоследствии ректор института, заведующий кафедрой теоретических основ тепло- и хладотехники, а в настоящее время профессор этой кафедры, академик Международной академии холода, заслуженный деятель науки и техники РСФСР.

В течение двух войн был на фронте Г.Б. Чижов. Демобилизовавшись, он вернулся в институт, работал начальником учебного отдела, проводил занятия со студентами, выполнял научные исследования, в 1949 году защитил докторскую диссертацию, был деканом факультета, заместителем директора института по научной работе, а затем профессором кафедры общей и холодильной технологии.

В рядах Советской Армии всю войну находился Н.А. Головкин. После войны он вернулся в институт. В 1954 году защитил докторскую диссертацию. С 1946 по 1979 гг. заведовал кафедрой общей и холодильной технологии. Заслуженный деятель науки и техники РСФСР, лауреат Государственной премии СССР.

С осени 1941 года на Ленинградском фронте воевал аспирант Е.С. Курылев, в боях под Выборгом он был тяжело ранен. После демобилизации защитил кандидатскую диссертацию, возглавлял кафедру холодильных установок, защитил докторскую диссертацию, руководил отраслевой лабораторией Министерства химического и нефтяного машиностроения. Заслуженный деятель науки и техники РСФСР, почетный академик Международной академии холода.

Славный боевой путь связиста артиллерийского полка 3-й дивизии народного ополчения и 7-й отдельной армии прошел студент Э.И. Гуйго. После войны окончил институт. Немного поработал в промышленности, затем поступил в аспирантуру, защитил кандидатскую диссертацию, был деканом холодильного факультета, защитил докторскую диссертацию, заведовал кафедрой теоретических основ тепло- и хладотехники. Заслуженный деятель науки и техники РСФСР, почетный академик Международной академии холода.

Студент 3-го курса В.Н. Шувалов на фронте был командиром отделения взвода разведки отдельного лыжного батальона. После войны окончил институт, защитил кандидатскую диссертацию, был деканом механического факультета, заведующим кафедрой торгово-технологического оборудования, профессором по этой кафедре.

Один из основателей института доцент П.П. Юшков на фронте командовал взводом в полковой артиллерии. Демобилизовавшись в 1946 году, вернулся в институт, заведовал кафедрой высшей математики, профессор по кафедре математики.

Выпускник института С.С. Будневич во время войны прошел путь от рядового до майора, помощника начальника штаба артиллерийского полка. После демобилизации в 1946 году непрерывно трудился в институте, защитил вначале кандидатскую, а затем докторскую диссертации. Профессор по кафедре криогенной техники, почетный академик Международной академии холода.

Еще до войны в институте преподавателем кафедры марксизма-ленинизма работал Д.Г. Куцентов. В качестве политработника он всю войну был на фронте. Вернулся в институт. Защитил докторскую диссертацию. Профессор по кафедре истории КПСС.

Сотрудник института с 1935 года Н.В. Новотельнов во время войны был начальником химической службы полка. После войны вернулся в институт и был заведующим кафедрой микробиологии и биохимии, профессором по кафедре микробиологии и биохимии.

Дорогами войны прошел М.М. Голянд. В 1938 году он окончил институт, был оставлен здесь же на научную работу. После войны вернулся в институт, защитил кандидатскую диссертацию, работал доцентом.

Командовал на фронте огневым взводом артдивизиона бывший заместитель декана механического факультета доцент В.В. Лутковский. Он 25 июня 1941 году защитил кандидатскую диссертацию, а уже 26 июня добровольцем ушел на фронт. После демобилизации из Вооруженных сил

работал старшим научным сотрудником отраслевой лаборатории по повышению эффективности использования искусственного холода в нефтеперерабатывающей промышленности.

В 1939 году А.К. Стукаленко со студенческой скамьи был призван в армию в соответствии с постановлением Верховного Совета СССР. Во время войны на Ленинградском фронте командовал артиллерийским орудием. Демобилизовавшись, вернулся в институт, окончил его. Работал ассистентом на кафедре холодильных машин, затем был переведен в аппарат Фрунзенского РК КПСС, где занимал должности сначала инструктора, а затем заведующего промышленно-транспортным отделом. Позже после возвращения в институт на кафедру холодильных машин стал секретарем партийной организации ЛТИХП.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИНСТИТУТА В ЛЕНИНГРАД.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ

В июле 1944 года институт возвратился из эвакуации. Приказ от 8 августа 1944 г. гласил: *«Прибывший из г. Семипалатинска личный состав института полагать с 1 августа с/г приступившим к работе в Ленинграде»*. В сентябре начался нормальный учебный процесс.

В 1944/1945 учебном году занятия совмещались с работами по восстановлению здания и учебно-материальной базы института.

Весной 1945 года был произведен выпуск 65 инженеров.

В институт стали возвращаться фронтовики. Однако вернулись не все. Много студентов, преподавателей и сотрудников пали смертью храбрых на полях войны. Многие умерли от голода.

Их памяти посвящена стела, где на граните золотыми буквами высечены имена: *З.З. Альперовича, Н.О. Баумгард, К.Ф. Большакова, П.П. Горбенко, Н.А. Григорьева, Р.А. Дзудевои, П.О. Капанова, И.К. Ковалева, В.И. Корниенко, П.В. Красноштанова, А.А. Кудинова, Н.П. Никитина, И.Ш. Певзнера, А.А. Полежаева, М.З. Прасова, А.Н. Светозарова, И.А. Спектора, С.А. Страдовского, С.И. Страховича,*

А.Н. Уникеля, Б.З. Фрадлина, Б.И. Фридмана, А.И. Шмидта, С.М. Шура.

В сентябре 1945 года в трудных условиях начался новый послевоенный учебный год. Надо было собственными силами восстановить и благоустроить аудитории в институте и жилые комнаты в студенческих общежитиях. Не хватало мебели, белья, одежды и обуви. Были большие трудности в организации питания, так как существовала карточная система.

Однако настроение у всех было приподнятое, бодрое. В институтских аудиториях и лабораториях проходили встречи фронтовиков, которые сменили винтовку и автомат на мирный труд. Студенты заканчивали образование, педагоги восстанавливали в памяти тот материал, который они должны были преподавать студентам, восстанавливали научные стенды, продолжали или начинали заново научные исследования.

*Фотография профессорско-преподавательского состава ЛИИП.
Ленинград, Чернышов пер. д. 11. Апрель 1945 год*

Вчерашние воины-студенты Э.И. Гуйго, В.Н. Шувалов, А.В. Вансецкий, М.М. Щеряев, С.А. Фельдман, педагоги Н.А. Головкин, Е.С. Курылев, Г.Б. Чижов, П.П. Юшков и другие учились, преподавали,

восстанавливали институт и родной Ленинград.

За период с 1941 по 1947 год ЛИХП выпустил 1462 инженера. Из них очень небольшая группа выпускников была оставлена в ЛИХП на педагогическую, научную и административную работу, а основная масса начала трудиться в промышленности, в сельском хозяйстве, на транспорте, в проектных, конструкторских, научно-исследовательских организациях, в вузах страны.

*Фотография на память: коллектив ЛИХП на фоне здания института.
Ленинград, Чернышов пер., д.11. Май 1945 года*

История Ленинградского института инженеров молочной промышленности (ЛИИМП) - Ленинградского химико-технологического института молочной промышленности (ЛХТИМП)

в период с 1941 по 1945 годы

К моменту начала Великой Отечественной войны (ВОВ) был закончен выпуск инженеров, часть студентов (а с ними и педагогов) находилась на производственной практике. С первых дней войны весь уклад жизни и деятельности института был переведен на военный лад. Многие педагоги,

сотрудники и студенты старших курсов были призваны в ряды Вооруженных сил СССР

В начале августа 1941 года 40 студентов и преподавателей вошли в состав 76-го истребительного батальона НКВД, сформированного в городе Пушкине. Комиссаром батальона был старший преподаватель кафедры марксизма-ленинизма А.Н. Самуйлов. Начальником боепитания - доцент кафедры ТММП А.Д. Грищенко. Командиром группы разведчиков батальона стал доцент кафедры общей и аналитической химии Б.В. Озимов.

Одним из подразделений 76-го батальона командовал директор ЛХТИМП Ф.М. Бабин. С 15 по 17 сентября 1941 года батальон участвовал в обороне города Пушкина. При отступлении наших войск от Пушкина группа разведчиков на мотоциклах вывозила раненых бойцов. Именно в этой операции участвовал доцент Б.В. Озимов, имевший свой мотоцикл.

В течение июля-августа 1941 года большие группы студентов и преподавателей выезжали в районы Купчино-Шушары, Антропшино, Кобралово, где рыли противотанковые рвы и траншеи. Эта работа проводилась в условиях, близких к фронтовым, под обстрелами и бомбежками немецко-фашистских захватчиков.

На оборону работали и в институте. Были созданы специальные химико-аналитическая и микробиологическая лаборатории по исследованию зараженных пищевых продуктов, а также цех по производству противотанковых зажигательных гранат-бутылок. Руководили и работали в этом цехе доценты М.С. Коваленко, Б.В. Озимов, Е.В. Герлинг. Цех выпустил более 15 тысяч гранат-бутылок.

Под руководством профессора Е.В. Флерова был разработан способ защиты шерстяной валяной обуви от промокания. Профессор Михаил Иванович Княгиничев руководил работами, выполняемыми в центральной лаборатории Ленинградского треста хлебопечения при 6-м хлебозаводе имени А.Е. Бадаева. Велись исследования по улучшению качества хлеба из заменителей муки, был разработан **рецепт выпечки «блокадного хлеба»**.

Институт (ЛХТИМП) эвакуировался из Пушкина в Ленинград, где размещался в общежитии института Советской торговли (8-я Советская улица, дом № 54). Учебные занятия проводились в помещениях химико-технологического техникума им. Д.И. Менделеева (Хрустальная улица, дом № 14). Здесь же была организована студенческая столовая.

В феврале 1942 года институт эвакуировался в город Чашу Курганской области. Вместе со студентами эвакуировались профессора С.В. Паращук, Г.А. Кук, К.В. Флеров, В.В. Люги, доцент Ф.П. Бабин, М.С. Коваленко, С.П. Иванов. В.Ф. Казимилова, А.М. Феоктистов, Х.Г. Черных, И.И. Коваленко. Туда же прибыли откомандированные в декабре 1941 года в «Главмолоко» НКММП СССР для работы по производству молочных консервов для Ленинграда доценты А.И. Желтаков и Н.А. Новоселов.

Занятия со студентами возобновились в марте 1943 года. За это время ЛХТИМП подготовил 27 специалистов. В этом же году институт был временно реэвакуирован в Москву на базу Московского химико-технологического института мясной промышленности (МХТИМП) и мясного техникума. Занятия проходили в аудиториях и лабораториях МХТИМП. Студенты жили в общежитиях этого института.

Пребывание ЛХТИМП в Москве продолжалось до июня 1944 года. За это время было выпущено 67 специалистов.

12 июня 1944 года было принято постановление Совета Народных Комиссаров СССР о реэвакуации ЛХТИМП в Ленинград. Он разместился в здании Ленинградского института холодильной промышленности (ЛИХП) (по адресу: Чернышов переулок 11),

ЛИХП предоставил помещения для работы администрации и выделил некоторое количество аудиторий и других помещений для проведения учебного процесса. Студенческое общежитие оборудовали в городе Пушкине.

Фотография первого послевоенного выпуска ЛХТИМП 1946 года

В сентябре 1944 года начались учебные занятия, которые приходилось совмещать с работами по восстановлению материально-технической базы вузов.

Кафедры создавали заново свою учебно-материальную базу. Выпускающей кафедрой являлась одна - кафедра технологии молока и молочных продуктов. По окончании Великой Отечественной войны многие педагоги и студенты вернулись в институт.

Окончательно в 1947 году произошло объединение Ленинградского института холодильной промышленности (ЛИХП) с Ленинградским химико-технологическим институтом молочной промышленности (ЛХТИМП), и с 1 сентября 1947 года учебные занятия начались в объединенном институте, называвшемся первоначально Ленинградским институтом холодильной и молочной промышленности (ЛИХМП).

*Первый выпуск студентов объединённого ЛИХИ и ЛТИИ.
Фото 1948 года*

В 1953 году вуз был переименован в Ленинградский технологический институт холодильной промышленности (ЛТИХП).

С 1999 года - Санкт-Петербургский государственный университет низкотемпературных и пищевых технологий.

В 2011 году в результате реорганизации Санкт-Петербургского национального исследовательского университета информационных технологий, механики и оптики - Санкт-Петербургский государственный университет низкотемпературных и пищевых технологий (СПбГУ НиПТ) был присоединен к НИУ ИТМО в качестве структурного подразделения.

Институт холода и биотехнологий

BARANOV
Владимир Владимирович
Доктор технических наук, профессор,
Д.т.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ,
член-корреспондент РАН, академик РАН,
президент Национального академического
центра биотехнологических наук «Вектор»
Почетный член Российской академии наук, академик и
член-корреспондент Российской академии наук (1998-2012)

Главный корпус ИХБТ
ул. Ломоносова, д. 7

Главный корпус, Историческое здание бывшего
Санкт-Петербургского инженерно-технического университета
ул.Пушкинская, 10. Начало 1970-х годов

Профессор Санкт-Петербургского государственного технического университета в почетном отпуске, 2009 г.г.
Секретарь: г-жа Е.А. Макаева, д.т.н. Макаев, М.В. Соловьев, В.В. Лыткин, А.А. Филиппов, Д.С. Тимофеевский,
ректор А.В. Барановский, Д.П. Баранов, В.С. Бондаров, В.С. Никанов, А.А. Карасин,
г-жа: С.А. Ковалева, В.А. Раман, А.А. Селезнёва, В.И. Волчанский, В.И. Пирожков, И.П. Сурженко, А.А. Мельников,
Т.А. Мещеряков, Д.П. Бурачкин, В.А. Астахов
Замы: Ю.А. Карпов, В.А. Ариш, А.А. Золотилова, В.А. Жданович, С.А. Кривоноз, В.С. Козырьков, Д.В. Манаев, М.В. Смирнов,
А.А. Артемьев, И.Г. Кривошеин, И.А. Кривошеина,
г-жа: А.Т. Саломова, В.В. Буракина, В.Г. Золотилова, С.В. Соловьева, В.В. Манаева

ИЗ ИСТОРИИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА НИЗКОТЕМПЕРАТУРНЫХ И ПИЩЕВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Ректоры

ОБЪЕКТЫ, ГДЕ УСТАНОВЛЕНО РАЗРАБОТАННОЕ В ИХИТ ОБОРУДОВАНИЕ

ИНСТИТУТ ХОЛОДА И БИОТЕХНОЛОГИЙ СЕГОДНЯ

Стенд, посвященный истории института холода и биотехнологий Университета ИТМО (бывшего ЛТИХП-СПбГУНиПТ). 2015 год

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История – это прошлое, сохраняющееся в памяти человечества, это – события, факты и их описания. Очень важно для справедливого описания событий иметь рассказы и повествования очевидцев с иллюстрациями фотодокументов.

Много написано о времени Великой Отечественной войны 1941 - 45 годов: о военных действиях на фронтах, о ленинградской блокаде, о тружениках тыла. Этим дням посвящены издания из серии «Университет ИТМО: годы и люди» такие, как *«Война и блокада»*, *«Они трудились в нашем вузе»*.

В год 75-летия Великой Победы в данной монографии мы постарались подробнее описать страницы жизни студентов и преподавателей ЛИТМО во время эвакуации: как выбирались из блокадного города, как ехали под бомбежками в железнодорожных вагонах на Кавказ, как уходили от приближающихся немецких войск из района Минвод, как восстанавливали учебный процесс в Сибири, как там учились и жили, и, наконец, как возвращались домой - в Ленинград после полного снятия блокады. Важно, что все это в книге описывается глазами очевидцев, в основном, студентов военной поры.

Фотографии и документы, размещенные в тексте книги, в большей части, предоставлены научно-образовательным центром «Музей истории Университета ИТМО». Без сомнения необходимо упомянуть незаменимый вклад литмовских фотографов Григория Дмитриевича Подколзина и Зинаиды Константиновны Степановой, которые почти полвека «сохраняли» историю вуза в своих фотографиях, профессионально запечатлевая важные события института. Благодаря им сегодня мы имеем образы тех людей, о которых повествуется в книге.

ПЕРЕЧЕНЬ ИСТОРИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ ИТМО

Серия «Университет ИТМО: годы и люди»:

1. ИТМО: Годы и люди. Часть 1. / Составитель М.И. Потеев. - СПб.: Ива, 2000. - 284 с.
2. Университет ИТМО: Годы и люди. Часть вторая. / Под общей ред. М.И. Потеева. - СПб.: СПбГУ ИТМО, 2006. - 164 с.
3. Русинов. / Под общей ред. М.И. Потеева. - СПб.: СПбГУ ИТМО, 2009. - 168 с. - Часть третья.
4. Война и блокада. / Под редакцией Н.К. Мальцевой. - СПб.: СПбГУ ИТМО, 2010. - 260 с. - Часть четвертая.
5. Университет XXI века. / Под редакцией Ю.Л. Колесникова и Н.К. Мальцевой. - СПб.: НИУ ИТМО, 2011. - 278 с. - Часть пятая.
6. 75 лет кафедре «Информационно - навигационные системы» / Под общей редакцией академика РАН В.Г. Пешехонова. - СПб.: НИУ ИТМО, 2012. – 298 с. - Выпуск 6.
7. Парамонов П.П., Колесников Ю.Л., Гатчин Ю.А., Алиев Т.И., Немолочнов О.Ф., Жаринов И.О., Сабо Ю.И. Вехи истории базовой кафедры Машинного проектирования бортовой электронно-вычислительной аппаратуры НИУ ИТМО при ОКБ «Электроавтоматика». - СПб.: НИУ ИТМО, 2013. - 230 с. - Выпуск 7.
8. Наши ветераны: они трудились в нашем вузе. / Под редакцией доцента Н.К. Мальцевой. - СПб.: Университет ИТМО, 2017. - 464 с. – Выпуск 8.
9. Известные выпускники Университета ИТМО. / Под редакцией проф. Ю.Л. Колесникова. - СПб.: Университет ИТМО, 2017. - 354 с. – Выпуск 9.
10. Третий трудовой. / Под редакцией Н.К. Мальцевой. - СПб.: Университет ИТМО, 2018. - 494 с. – Выпуск 11.
11. Юдовина Т.С. Научная школа. Основоположники вычислительной оптики. Петербург–Ленинград. XX век. Санкт-Петербург. - СПб.: Университет ИТМО, 2016. - 264 с. – Выпуск 12.

Серия «История и современность Университета ИТМО»:

1. Колесников Ю.Л., Мальцева Н.К., Щербакова И.Ю. и др. История и современность НИУ ИТМО. Часть I. / Под общей редакцией члена-корреспондента РАН В.Н. Васильева. - СПб.: НИУ ИТМО, 2012. - 98 с.
2. Колесников Ю.Л., Мальцева Н.К., Щербакова И.Ю. и др. История и современность НИУ ИТМО. Часть II. / Под общей редакцией члена-корреспондента РАН В.Н. Васильева. - СПб.: НИУ ИТМО, 2014. - 98 с.
3. Зверев В.А., Мальцева Н.К. Опотехника и оптическое приборостроение. Часть III. / Под общей редакцией члена-корреспондента РАН В.Н. Васильева. - СПб.: ИТМО, 2020. – 221 с.

Оглавление

Вступительное слово ректора В.Н. Васильева	3
Основные вехи в развитии Университета ИТМО	4
Предисловие	5
Великая Отечественная: как «держался» ЛИТМО в эвакуации. Хронология эвакуации 1942-1944 годов	9
Эвакуация из Ленинграда с ЛИТМО (1942 – 1944). Воспоминания И.Н. Андреевой	30
История в фотографиях двух сестер Хухровых – студенток ЛИТМО в эвакуации	63
Военная история профессора ЛИТМО Л.П. Шишелова	69
Поступление в институт и возвращение в Ленинград. Д.Г. Приемский	73
В подвешенном состоянии: история Г.С. Кисельгоф, студентки ЛИТМО военных лет	81
История эвакуации ЛТИХП	87
Заключение	104
Перечень исторических изданий Университета ИТМО.....	105

Мальцева Надежда Константиновна

«Эвакуация»

История и современность ИТМО

Часть IV

Под общей редакцией

члена-корреспондента Российской академии наук В.Н. Васильева

Учебное пособие

В авторской редакции

Дизайн обложки

Подготовка иллюстраций

Редакционно-издательский отдел ИТМО

Зав. РИО

Лицензия ИД №

Заказ №

А.А. Яцун

А.А. Яцун

Н.Ф. Гусарова

Подписано к печати 2.02.2020 Тираж 100 экз. Печать цифровая

Центр распределенных издательских систем Университета ИТМО

199034, СПб. Биржевая линия, 16

Тел. +7(812) 915-1454

zakaz@tibir.ru